

Инна Бачинская

Детектив
сильных
страстей

Без прощального
письма

Детектив сильных страстей

Инна Бачинская

Без прощального письма

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Без прощального письма / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2019 — (Детектив сильных страстей)

ISBN 978-5-04-102653-0

Когда-то мама Илоны сбежала из дома с цыганом. Чтобы утешить девочку, бабушка рассказывала сказку о феях, живущих на чердаке их старого дома и защищающих ее от всех напастей. Но бабушка умерла, Илона выросла и знает, что фей не существует, а значит, некому спасти ее от невзгод. А неприятностей в ее жизни предостаточно: ужасной грозовой ночью таинственно исчез жених Владик, в тот же день кто-то выкрал архивные материалы из музея, где она работает, из дома была похищена фамильная реликвия – акварельный автопортрет прабабушки Елены. И в довершение всех бед Илона обнаружила в собственной гостиной труп неизвестного мужчины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102653-0

© Бачинская И. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Деревья и травы молились о ливне.
Молитвы всплывали к прозрачному куполу неба.
Из дальних морей прилетали тяжёлые, мокрые
  тучи.
Увидев молитвы деревьев, плывущие по небу
  рядом,
Слезу сострадания они проливали, что тучам
  нетрудно.*

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Пролог

...Елена Владиславовна проснулась среди ночи и прислушалась. В спальне горел ночник, в тишине старого дома чудились мелкие шорохи и скрипы, неслышные днем. Старая дама спросила себя, что же пробудило ее посреди ночи, и не нашла ответа. Она выпила на ночь горячего молока и приняла таблетку снотворного, после чего должна была проспать благополучно до семи утра. Это был ее личный рецепт, вычитанный в каком-то старом романе – горячее молоко и таблетка, который почему-то не сработал. Система дала сбой, так уже бывало раньше. Выходов было два: увеличить дозу до полутора таблеток или заменить молоко рюмочкой ликера.

Елена Владиславовна включила торшер и потянулась за книжкой, заложенной очками. Изящные часы на тумбочке показывали три. Звук из глубины квартиры заставил ее вздрогнуть. Женщина сняла очки и села в кровати, напряженно прислушиваясь. Звук не повторился, и она стала вспоминать, закрыла ли окна в гостиной. Хорошему грабителю третий этаж не проблема. Кажется, закрыла. Сон ушел окончательно, теперь не уснуть. Она поднялась с кровати, набросила халат и вышла из спальни, не зная хорошенько, что собирается делать – то ли пить чай, то ли включить телевизор. Одно она знала совершенно точно – заснуть ей уже не удастся.

Внимание Елены Владиславовны привлекла полоска света из-под двери кабинета профессора, ее брата. Озадаченная, она остановилась перед дверью, вспоминая, когда заходила в кабинет в последний раз. Получалось, три дня назад – полить цветы и смахнуть пыль. Было это днем, и свет она не включала. Елена Владиславовна нажала на ручку и толкнула дверь. На письменном столе горела лампа под зеленым абажуром, кабинет был погружен в неяркий зеленоватый сумрак и напоминал аквариум. Старая дама увидела, что ящики стола выдвинуты и какие-то бумаги разлетелись по полу. Изумленная, не веря глазам и не понимая, что происходит, она шагнула к столу...

...Профессор Игорь Владиславович Лещинский расплатился с таксистом и неторопливо направился к парадному, таща за собой чемодан на колесиках. Он был занят мыслями о статье, которую задумал во время семинара, и с приятностью предвкушал, как примет душ, наденет просторную домашнюю куртку и усядется за письменный стол. Скажет Леночке, что собирается поработать, а посему его ни для кого нет дома. Леночка сварит ему чашечку кофе, выключит домашний и мобильные телефоны и будет неслышно возиться где-то там, на кухне, с котлетами и овощным супом. Ресторанная еда надоела до чертиков! Он достанет из портфеля наброски статьи, разложит на столе и погрузится в работу. А потом они будут ужинать, выпьют бутылочку «Мерло», и он расскажет Леночке о семинаре.

Уже в который раз профессор подумал, что самое прекрасное в жизни человека – возвращение домой. Леночка удивится, ведь он вернулся на день раньше, чем планировал. Сюрприз. Правда, сюрприз стихийный, так как профессор звонил несколько раз, чтобы сообщить о приезде, но Леночка не ответила – видимо, выходила и снова забыла взять с собой мобильный телефон. Потому получится сюрприз.

Лифт не работал, и это было неудивительно, потому что дом был старый и лифт тоже был старый. Профессор, как правило, поднимался на третий этаж пешком, поскольку не мог заставить себя войти в крошечную, со сложными запахами, клетку, от которой у него развивалась клаустрофобия. Сейчас, правда, Игорь Владиславович был готов пренебречь своими страхами из-за чемодана, но лифт не работал, и выбора иного, чем подняться пешком, у него не оставалось. Слегка запыхавшись, он добрался до дверей своей квартиры и нажал на кнопку звонка. Ничего не произошло. Профессор подождал с минуту и нажал снова. С тем же результатом – ему не открыли.

Недоуменный Игорь Владиславович стал рыться в карманах, подозревая, что ключа там может не оказаться. И оказался прав – ключа действительно не нашлось. Профессор еще раз надавил на кнопку звонка, раздумывая, куда могла пойти Леночка в это время дня, а потом с некоторой досадой дернул за дверную ручку и с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Он вошел в темную прихожую, постоял немного, вспоминая, где включается свет.

Дом встретил его тишиной и покоем. Профессор оставил чемодан в прихожей и поспешил с портфелем в свой кабинет. К его удивлению, на столе горела настольная лампа, и бросался в глаза непривычный беспорядок: выдвинутые ящики стола, разбросанные по полу исписанные листы бумаги, книги, каким-то образом упавшие со стеллажей.

Игорь Владиславович стал на пороге как вкопанный, не понимая, что бы это могло означать. Он сделал шаг вперед и снова застыл, увидев неподвижно лежавшую на ковре сестру, Елену Владиславовну, в темно-красном атласном халате, из-под которого виднелась белая ночная сорочка.

– Леночка! – позвал профессор. – Что случилось? Тебе плохо?

Он присел на корточки у тела сестры, взял ее руку и тут же выпустил – рука была ледяной...

...Никаких следов насильственной смерти на теле старой дамы обнаружено не было. По версии следствия, Елена Владиславовна Лещинская, семидесяти трех лет, скончалась от инфаркта, застав в кабинете брата грабителей. По утверждению профессора, Игоря Владиславовича Лещинского, из квартиры ничего не пропало, кроме компьютера и материалов для будущих монографий профессора, как рукописных, так и хранившихся в компьютере, на компактках и флешках. Собственно, ничего ценного, кроме книг, пары картин местных художников и старинной посуды, доставшейся от бабки, у них с сестрой никогда и не было.

Судя по тому, что беспорядок, свидетельствующий об обыске, имел место только в кабинете, старая дама спугнула грабителей, и они в спешке покинули квартиру, прихватив с собой архив, компьютер и бронзовую статуэтку с письменного стола – Будду в высокой остроконечной тиаре, инкрустированной сферическими кусочками бирюзы, необычную и очень старую – лет трехста. Профессор раскопал Будду на блошином рынке в Таиланде и очень любил. Из совокупности этих обстоятельств был сделан вывод – грабители в квартире побывали начинающие, а не профи.

Профессор более всего сокрушался о пропаже ценных материалов: архива, электронной переписки, адресов, закладок и необходимости все восстанавливать заново. Был он растерян, отвечал на вопросы не сразу и невпопад и все повторял, что не знает, не в курсе, понятия не имеет, так как всем в их доме заведовала Леночка, и как же теперь он без Леночки. Кроме того, нужен новый компьютер, а где его покупают – бог весть. И растерянно смотрел на оперативников беспомощными близорукими глазами...

...По заключению криминалистов, дверной замок был вскрыт отмычкой. Грабители влезли в квартиру позапрошлой ночью, между двумя и тремя часами, поскольку к моменту прибытия полиции Елена Владиславовна была мертва около тридцати шести часов. Соседи ничего не видели и не слышали, накануне никакие подозрительные личности не крутились поблизости, не выспрашивали и не сидели в засаде с биноклем.

Ничего. Зеро. Пусто.

Почему ночью, а не днем, как делают все нормальные грабители? Видимо, по той простой причине, что Елена Владиславовна в основном находилась дома, а если выходила за покупками, то ненадолго и не каждый день...

Глава 1

Илона

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыхание
Дождевой земли.

М. Волошин. Amori amara sacrum¹

...Ночью неожиданно-негаданно случилась сильная гроза. Ритмично вспыхивало в черном небе, озаряя белое дрожащее дерево с вывороченными корнями, после чего на секунду наступали тьма крошечная и устрашающая утробная тишина, и тут же земля содрогалась, как от оглушительного густого рыка рассерженного зверя. Тряслись дома, трескали стены, ходуном ходили тротуары. Разверзлись хляби, ливень стоял стеной, по улице бежали уже не ручьи, а речки. До самого утра работал дьявольский вечный двигатель, искрящая динамо-машина, готовая выжечь и испепелить все живое и неживое. Только потоки воды помешали случиться мировому пожару и апокалипсису.

А утром вылезло выморочное неуверенное солнце, осветив заброшенные ветками улицы, намытые из недр земных песчаные дюны вдоль тротуаров, вспученный асфальт, поваленные деревья и заборы, выбитые окна и снесенные крыши. Тишина стояла густая, тяжелая, неподходящая. Ни ветерка, ни шелеста, ни движения. Тяжелый, как патока, воздух с трудом втягивался легкими и оседал внутри липким осадком. Страшноватая это была тишина. Замершая, притаившаяся, и будто шепоток чудился: *«Пох-ходите, вот сейчас я вам! Вы ш-что, думаете, просвистело-пролетело-прогрохотало и – привет? Пережито-забыто и ш-жизнь продолжается? Э, нет, облом! Вот я для вас... кое-что! Прих-хотовила. Припас-ссла. Интересно, ш-что вы на это? А?»*

А может, это был лишь шорох шагов неведомого и фантазии беспокойного воображения...

Илона уснула под утро, когда природа перестала содрогаться в конвульсиях и полыхать огнем через шторы. Не столько уснула, сколько забылась неверной дремой, измученная морально и физически. А проснувшись, повела глазами, и оказалось, что Владика рядом нет. Вчера, до грозы, был, а сейчас уже не было. Илона кликнула его, предчувствуя недоброе. Пове- рить в недоброе ей всегда легче, чем наоборот. Характер такой.

Тишина была ей ответом. Владика не было. Унесло грозой. Смыло ливнем. Расщепило на атомы молнией. Илона вскочила и побежала на кухню. Мимоходом дернула дверь ванной. Пнула ногой дверь туалета – на всякий случай. Нигде никого. Она вернулась в спальню, распахнула дверцы шкафа. Вещи Владика исчезли. Два костюма – ее подарок, рубашки, свитер, кожаная куртка. Даже галстуки. Все. Как и не было. Исчез также новый кожаный чемодан, безумно дорогой.

Она поняла. Ошеломленная, рухнула на кровать и зарыдала. Неглупая, образованная и, можно сказать, красивая, Илона затрепыхалась, как какая-нибудь неудачница, простецкая полуграмотная баба, не привыкшая сдерживать чувства. Боль, обида, страх, попранная любовь – все смешалось в гремучую ядовитую смесь, стучавшую в поисках выхода в сердце, висках, затылке и печени. Кого не бросали, тот не поймет. Будь ты хоть трижды образованная, а все

¹ Amori amara sacrum (лат.) – Святая горечь любви.

равно больно! И вой рвется из глотки, и обида страшная – чем *она* лучше? Та, которая? Вернее, к которой ушел любимый человек. Наверное, ушел, а то куда бы ему деться?

Илона рыдала, молотя кулаками подушку. Средство хорошее, но не всегда срабатывает. Но все же лучше, чем ничего. Подушка была Владикова и пахла его лосьоном. Легкий ненавязчивый благородный аромат настоящего мужчины. Сигарету в зубы, пиджак небрежно через плечо плюс фирменный прищур теплых карих глаз и морщинки в уголках губ – не какой-нибудь сопляк, а надежный и мужественный – и на плакат. Вместо сигареты можно травинку, главное, чтоб видны идеальные супербелые зубы. Капот отпадной тачки и волнующееся поле чего-нибудь злакового, голубая лагуна или вдали силуэты небоскребов. Реклама зубной пасты с отбеливающим эффектом. Или слабительного, после которого захочется жить и жевать с новыми силами. Красиво до умопомрачения. Гламур и глянец. Программа на всю жизнь: посадить дерево, найти мужчину, отбелить зубы и купить квартиру в центре. После чего гордо смотреть по сторонам – жизнь удалась! Можно еще перетянуть лицо, укоротить нос, переделывать уши и вставить красивую нижнюю челюсть. Можно добавить силикон для выразительности форм. Программа максимум.

Удалась? Шиш! Не удалась. Владик – четвертый, который бросает. А сколько их еще будет? Или не будет вовсе?

Илона зарыдала с новыми силами. Ушел. Несмотря ни на что. На старания, суету, лесть, два подаренных костюма, завтраки в постель, как в иностранном кино. Говорил поначалу: не надо, не суетись, я не привык. Краснел и стеснялся. А потом привык. Еще как привык! И капризничать начал: то кофе слабоват, то колбаса не та, то тост не поджарен до нужной кондиции. Пришел налегке, в джинсах и ветровке, а сам все забрал. Хапнул! Весь гардеробчик вынес. Номер три прихватил пару колец, неосторожно оставленных на трюмо, а ведь казался таким бесребреником – будто не от мира сего, все рассуждал о политике, морали и международных отношениях. Номер два не вернул ключи от дома – по вредности, и пришлось менять замок. Номер первый... номера первого выгнала она сама, когда пришел пьяный. Думала, в воспитательных целях. Пусть погуляет по ночному городу, проветрится, а он взял да ушел насовсем. Так рванул, что даже барахлишко оставил и потом не вернулся.

Приятельница Мона считает, что мужчин *повывелось*. Именно так – «*их повывелось*»: не сами они вывелись, а их повывели. Увы. Равно как и романтиков, поэтов, верных рыцарей, которых тоже повывелось. Не на ком взгляд остановить. Избалованы, инфантильны, ленивы, паразиты и вообще деградировали. Хотели равенства, милые дамы? Гребите лопатой. Везите на себе. Что? Опять не так? Вам не угодишь, мои дорогие. Вообще-то она Мария, а прижилось Мона – так называл ее когда-то любимый человек, перебежавший к неромантической бабе старше себя, зато богатой.

Впрочем, Мона считает, что и женщин тоже *повывелось*. Настоящих – тех, которые за любимым человеком хоть на край света. Остались одни коровы, книг не читают, лежат перед телящиком, смотрят сериалы и кушают салаты с майонезом. Не столько кушают, сколько жрут. И ходят с голыми животами. С голыми животами, раскормленными на майонезе, причем с колечком в пупе и в наушниках. Как сказал один сетевой остряк: вставила кольцо в пуп – стала похожа на гранату. Во-во, ходячие гранаты с отсыревшим запалом, вскормленные майонезом. В смысле на вид гранаты, а на самом деле отсырели и давно забыли, какая она, настоящая женщина, – нежная, тонкая, романтическая. Способная на все.

Мона – последний романтик в городе или даже во Вселенной. Она до такой степени романтик, что время от времени пишет знаменитым артистам или певцам теплые письма и очень обижается, когда те не отвечают. К сожалению, и это тоже доказывает тезис «Романтиков повывелось!» Вымерли как мамонты. «Мне же ничего от них не надо, – говорит Мона дрожащим голосом, – неужели у них так много настоящих друзей? Я предлагаю дружбу, чистую, бес-

корыстную, романтическую, а они!» А в глазах ее незаслуженная обида, настоящая на несостоявшейся надежде.

Когда Мона так говорит, Илона переглядывается с Доротеей. Они считают, что подруга потеряла связь с реальностью. Мягко выражаясь. А если не мягко – Мона просто... Как бы это повежливее? Не вполне адекватная. Вот! Лет пятнадцать как выпала из реальности, и с тех блуждает неизвестно где. Хотя, казалось бы, сколько можно – возраст обязывает, уже не девочка. И если Мона заводит песню про мужчин-неромантиков и нерыцарей, Илона и Доротея многозначительно переглядываются. Илона закатывает глаза, Доротея тонко усмехается и заламывает бровь.

В чем-чем, а в этом они союзники! Потому что Мона, Илона, Доротея – женский клуб «Одинокие сердца». Хотя все они очень разные.

Илона – человек дела: верит, ищет и надеется. А еще музейная крыса на небогатой зарплате, пропахшая нафталином, фигурально выражаясь. Между прочим, ведущий специалист-краевед: заведует целым отделом с двумя подчиненными – внучкой директора музея Линой, вчерашней школьницей, мелкой девчушкой в наушниках и отсутствующим взглядом, взятой по блату на полставки, и пенсионеркой Агнией Филипповной, у которой всегда «давление». А три раза в неделю по вечерам подрабатывает на кафедре истории местного пединститута ассистентом. Понимай, лаборантом. Ну, там, разложить наглядные пособия, убрать в шкафах, распечатать планы семинаров и темы, внести коррективы в расписание занятий... и еще много чего в том же духе. Плюс репетиторство и контрольные. На жизнь очень даже хватает.

Доротея – спящая красавица: надеется и ждет. Тоже крыса, только архивная, пропахшая старыми газетами. Хотя и это для «красного словца». На самом деле от Доротей за версту пахнет крепкими тяжелыми духами, за ней прямо шлейф аромата тянется и потом еще долго висит в воздухе. Доротей давно нет, а шлейф все висит. Красавица не столько спящая, сколько сонная. А это, согласитесь, большая разница – хоть бровкой играет и с прекрасными выющимися волосами. Тоже на копеечной зарплате, а потому хорошая портниха, обшивает себя сама – от «фирмы» не отличишь; имеет и постоянный круг клиенток с нестандартными формами.

Мона – девушка с претензиями: надеется, ждет и бурно выражает недовольство общим падением нравов, отсутствием романтиков, рыцарей и настоящих мужчин... Ну, читатель уже в курсе. Мона неустанно критикует знакомых женщин за «бабизм», а мужиков за неумение разглядеть настоящую женщину и подругу, но при этом живо интересуется всеми окружающими соседями-мужчинами. Даже слово «мужчина» она произносит с придыханием. Мона массажистка и инструктор по лечебной гимнастике. Пять км пешком каждый день, купание в проруби, гуляние под дождем, общая расхристанность и незастегнутость в облике, а также короткая стрижка – смахивает на подростка мужского пола. Диета непременно. Майонез – упаси боже! Смерти подобно.

Хотим мы этого или нет, но жизнь продолжается, и жить надо. А потому Илона встала, вытерла слезы, умылась, сварила кофе и заставила себя проглотить чашку черного без сахара – для тонуса. И все. Бережем фигуру, начинаем новую жизнь. Открыла дверцу шкафа в соображении, что надеть. Чтобы не было как траур по утраченным иллюзиям, а наоборот, что-нибудь жизнеутверждающее, на погоду и утреннюю свежесть, небо вон голубое... Что-нибудь белое? Жакет и узкую юбку, сто лет не надеванные? Да, для поднятия духа в самый раз!

Покрутилась перед зеркалом, взбила волосы, пошлепала себя ладошкой по щекам для румянца. Снова вспомнила Владика... Вздохнула. Нет, ну не гад?

Глава 2

Катаклизмы

Дыра это просто ничто, но вы можете и в ней сломать шею.
Аксиома О'Мэлли

Илона шагала, чувствуя ягодицами неудобную тесноту юбки, и думала, что нужно основательнее подсесть на диету. Перестать обедать в принципе. Не говоря уже об ужине. Может, потому Владик и сбежал. Она, Илона, очень переменялась за полгода их совместной жизни. Два лишних кэгэ, а то и три. Завтраки и ужины, раньше вполне символические, фитнес, зарядка, пробежка – все побоку. А что прикажете делать, если ОН все время хотел кушать? Жрать ОН хотел. Кушать хотят любимые, а теперь, когда сбежал, стало понятно, что не кушать, а жрать. В смысле, любимый мужчина хотел жрать. И жрал без продыху. Как землеройная машина... по выражению одного культового писателя. А она, Илона, составляла ему компанию. А как же! И в итоге два лишних кэгэ!

Нет, все же у одинокой женщины намного больше возможностей заняться собой. Недаром говорят, что одиночки лучше сохраняются. Правда, характер портится. Хотя бывают и исключения: вот Доротея – и красотка, одно загляденье, и спокойная, каких поискать; но зато Мона подгуляла и в смысле внешности, и в смысле интеллекта. Ну, тут на одиночество грешить не приходится – изначально такой была, следи за собой не следи, а исправить ничего нельзя. Могла бы держать рот закрытым с умным видом, но это не Монин метод. Как говорят остроумные французы, Мона постоянно упускает возможность красиво промолчать. А напрасно.

Три богатыря, три брата-царевича отправляются на поиски заколдованной лягушки, три девицы под окном пряли поздно вечерком... И главное, везде «тройка» – символическое число. Даже у Змея Горыныча три головы. Хорошее «круглое» число. Два – маловато, три – в самый раз. Гармония. Трехколесный велосипед.

Илона шла и с удивлением озиралась, дивясь разрушениям, учиненным стихией, не узнавая знакомую улицу. Тротуары, усыпанные ветками и листьями, поваленный забор, выбитые стекла, трещины в асфальте... Даже в намытых из щелей в асфальте ручейках девственно-чистого песка чудилось что-то потустороннее. Прямо Армагеддон! И воздух... тяжелый, влажный, как уже было отмечено. Ни ветерка, ни колебания воздушных струй, ни движения травы и веток. Добавьте сюда блеклое вялое солнце, блеклое белесое небо и какое-то тревожное муторное ожидание, разлитое в воздухе как предвестие, предтеча, предупреждение о грядущем катаклизме, – и вы получите представление о том неопределенном и неприятном утре, что сменило страшную ночь.

Свернув со своей Сиверской на Пятницкую, ведущую в центр, Илона ахнула и стала как вкопанная. Посреди перекрестка зияла громадная черная дыра, ведущая не иначе как в преисподнюю. Торчали торосами страшные кривые зубья вздыбленного асфальтового покрытия, торчал задок красной машины – задние фары еще горели, пронзительно верещала противотуманная сирена, а со стороны Градской вздымались вывороченные корни роскошного клена, упавшего поперек дыры и намертво придавившего несчастный автомобиль. Тут же бил фонтан воды, растекавшейся неглубокой речкой, и висело облачко пара, свидетельствовавшее, что вода была горячей. Вокруг стояла небольшая толпа зевак, две машины МЧС, несколько полицейских. Регулировщик взмахами жезла резво направлял поток машин на боковую улицу. Эмчезники пытались просунуть трос под дерево, чтобы поднять его и освободить провалившийся автомобиль, одновременно заглядывая внутрь дыры в попытке оценить ущерб.

Илона присоединилась к праздным зевакам. Те живо обменивались впечатлениями и запусты фотографировали на мобильники яму, дерево, машину и спасателей.

– Трубу повредили! – с умным видом сказал какой-то недомерок, который, судя по всему, совсем никуда не спешил, стоя руки в брюки. – Кипяток!

– Газ взорвался! – вторила ему пожилая дама с сумкой на колесах.

– Размоет, и тачка рухнет. Фиг достанут! – с гаденькой надеждой на худшее высказался некто с усами и в ватнике. – Надо было на стоянку.

– На стоянку жаба давит! Кинул под домом, она и сползла.

– Подгадал в масть! – хихикнул недомерок.

– Там же полно пещер! – раздался негодующий глас интеллигенции. – Археологи давно предупреждали. Укреплять надо было!

– Ой, вот только не надо! Укреплять, как же! Они детскую площадку как следует сделать не могут, не то что грунты крепить.

– Здесь подводная река! Вырвется и затопит к чертовой матери! Вон как бьет! – в голосе сладость ожидания.

– Бьет из трубы, а не река!

– Будем на лодках, как в Венеции. На этих... на гондолах!

– Типун тебе на язык! Умный какой нашелся! Накличешь, провалимся все в черную дыру!

– А этим все пофиг! – голос правого суда. – Затопит, не затопит, лишь бы щелкать в телефон. Ну, народ!

– Ой, вот только не надо! Укрепить сваями и порядок. Делов!

– Какие, к черту, сваи! Надо бетоном заливать! А какой сейчас бетон? Все покрали.

– А когда оно рухнуло?

– Вроде на рассвете, в четыре, в самый разгар. Гром гремит, молния бьет, сполохи – аж в глазах темно! – возбужденно делилась толстуха в халате и в тапочках. – Я к окну, и тут как ухнуло! Батюшки-светы! Асфальт торчком, и черный провал! И дыра прямо на перекрестке! Смотрю, машина Ленкина, красная, сползает в дыру, будто бы ее оттудова чем втянуло, и сразу сирена как завоет! Он ее под домом кидает. Думаю, а как дом туда же втянет? Хватаю паспорт, деньги, какие есть, голова кругом, ну ничо не соображаю! Смотрю, народ выскакивает с чемоданами. Ленка в одних трусах из дому выскочил и ну в яму кидаться. Люди добрые не дали пропасть, оттащили.

И так далее, и тому подобное.

Илона, задумчивая, постояла, послушала да пошла восвояси. Так и связались в ее восприятии два события: исчезновение любимого человека и черная дыра. А может, событие было всего одно: исчезновение любимого человека в черной дыре. В голове рождались всякие интересные варианты на тему: любимый человек и черная дыра; черная дыра и любимый человек; черная дыра потянула, и он... *туда*; оглушенный громом и молнией, он вышел из дома, под ногами разверзлось, и он... Прекрати, приказала себе Илона. Не сходи с ума. Никто никуда его не тащил. Воспользовался случаем и удрал. Опять. Почему? Что им всем надо? Чего не хватало?

Илона добралась до работы и позвонила Доротее. Душа требовала участия.

– Представляешь, у нас улица провалилась, дыра, как от бомбы, туда машина упала и дерево. Ужас! – выпалила Илона в трубку, услышав неторопливое «алло» подруги.

– Ага, видела в новостях, – сказала Доротея все так же неторопливо. – Недаром у меня всю ночь спина ныла...

– Мужик, чья машина, чуть умом не тронулся! – перебила Илона. – Хотел кидаться, люди не дали. А машина до сих пор в яме, и сирена орет, представляешь?

– Так и крутит, так и крутит! Вся извертелась прямо, а под утرو...

– Представляешь, Владик ушел, – сказала Илона, всхлипнув.

– Ушел?! Что значит ушел? Куда ушел? – Доротея была так потрясена, что забыла про ноющую поясницу.

– Просто ушел. Собрал вещички, костюмы, куртку, и с концами. Насовсем. – Илона снова всхлипнула и усилием воли сдержалась, чтобы не расплакаться. – Ночью...

Доротея снова ахнула.

– Может, вернется? Ты столько для него сделала! Вы такая классная пара... Не понимаю я этих мужиков! Какого рожна им надо?

Ха! Какого рожна им надо! Классика. А то мы не знаем. Им надо, чтобы красивая, нежная, терпеливая, умела готовить, не мешала смотреть футбол и дуть пиво, не пилила, не зудела, не приставала, не лазила по карманам и мобильникам... Дальше придумайте сами в силу фантазии. И в постели, конечно. А с какой радости, спрашивается? А с той, что их мало. Мало их. Как в той песне – на одного кавалера по статистике сколько пять барышень? Шесть? Десять? То-то. И отношение окружающих... тоже! И статус. Статус! Одиноким мужчинам нарасхват, одинокая девушка – старая дева, серая мышь, невостребованное, никому не нужное создание. Хотя бывает, что ценят. Редко, но бывает. И на задних лапках, и потерять бояться, и посуду вымоют, и пол. Но не с нашим счастьем.

– Может, сбежимся? – спрашивает Илона.

Исторический музей Илоны и архив Доротеи почти рядом, наискосок через дорогу.

– Ага, давай через двадцать минут, – говорит Доротея. – По кофейку, голова совсем не варит, и поясница...

Девушки обычно сбегаются в кафе «Лавровый лист», или «Лаврушка», или мило, домашнему, «Лаврик»...

...Доротея. Почему вдруг Доротея? Может, Дарья? Да нет, именно Доротея. Так звали героиню одного английского романа – прекрасная Доротея. И молодая романтическая женщина – мама нашей Доротеи – решила назвать свою новорожденную дочку в честь героини романа. Доротея – в переводе с греческого значит «Дарованная богом». Папа не протестовал, ему было все равно: что Дарья, что Доротея. А когда дочке было два года, вообще исчез с горизонта – уехал и больше не вернулся. Доротея... а для друзей? Дора? Тея? Нет, нет и нет. Только Доротея. Так и говорит при знакомстве: Доротея. Сильное рокошущее имя, имя воительницы. Босая Доротея с копьем наперевес, в короткой тунике, волосы жгутами по спине, гонится за диким оленем! Или кабаном. Буря и натиск.

Ага, если бы! Доротея существует как в густом сиропе: нетороплива, спокойна, не прытка. Говорит немного, взвешенно, но зато мимика, мимика! Богатейшая! Бровкой играет, лукавая полуулыбка, взгляд не отводит – как уставится глаза в глаза... Ух! Огонь-девица. Да и красotka, каких мало: высокая, зеленоглазая, с пышными вьющимися волосами. Похожа на цыганку. И всегда шикарно одетая. Может провести в «Мегацентре» несколько часов кряду, охотясь за лиловой блузкой или бирюзовыми штанами. Это чтобы передать смысл завышенных требований. Блузка, допустим, может быть цвета пыльной розы с рюшами и открытой спиной. На архивариуса Доротея не похожа, а похожа на экзотическую танцовщицу или представительницу крутой фирмы, в задачу которой входит принимать и очаровывать гостей, проявлять бойкость и щебетать. Но чего нет, того нет. Не сложилось с бойкостью и щебетом, увы. Потому архив. И с мужиками тоже как-то не складывается. Не везет Доротее с мужиками, хотя на улице всякие козлы сворачивают шею. В том-то и дело: или старые козлы, или бледные прыщавые начитанные юноши, которых тянет к женщинам постарше. А средний возраст... Опять, увы! Бывало, сидит Доротея в гостях у замужней знакомой, молчит, улыбается, в глазах черти пляшут, ломит бровку соболиную. Мужики поначалу как мухи на мед! Кто с шуткой, кто с дурацким анекдотом, кто с комплиментом, а она молчит загадочно, только бровку круче ломит, в глазах лукавинка, улыбка... чудо какая улыбка! Баядерка! Огонь! Кармен! Но молчит.

Они перья распускают и так и этак стараются! А она молчит. Ступор. А что сказать-то? Про книжку, которую читает? Про поясницу? Про новую блузку? Про работу в архиве? Про погоду? А черт его знает, про что. Иная щебечет всякие глупости, и мило получается, даже если сама простенькая, с носиком уточкой и вовсе безбровая. Доротея так не может. Она вообще говорит немного и неторопливо, болтать не умеет. Равно как и трепаться, зубоскалить, хихикать, хватать собеседника за руку, хлопать по колену и закатывать глаза. Мужик посидит-посидит рядом, да и уползет восвояси. И главное, всегда одно и то же!

Через пятнадцать минут Илона выскочила из музея, бросив малолетке Лине, что на минутку и сразу же обратно, и была такова. Лина никак не прореагировала, так как не услышала из-за наушников на голове... как всегда, впрочем.

Глава 3

Трагическое событие

Но встретиться подругам в тот день не задалось, не судьба была. Илона влетела в полутемный зал рестораника, заняла «их» столик в углу и посмотрела на часы – почти успела! Опоздание на три минуты не засчитывается. А где же Доротея? Доротея никогда не опаздывает, по ней можно сверять часы. Но сейчас Илона с удивлением убедилась в том, что Доротея опаздывает уже на шесть минут. Фантастика!

Она достала из косметички мобильный телефон и набрала номер подруги. Долгую минуту, а то и две, слушала пронзительные гудки, полная недоумения, – это было так непохоже на Доротею. Не может прийти, позвонила бы. Непонятно.

Наскоро, без всякого удовольствия, выпила Илона кофе и полная недоумения вернулась в музей. Там ее ожидала странная, и оттого сразу показавшаяся неприятной, новость. В кабинет просунула голову Лина в наушниках и сказала:

– Илон, там бабулька Филипповна сердце рвет, а тебя нету. Иди скорей в хранилище, а то она вообще с катушек слетит.

– Что случилось? – спросила Илона.

– Не знаю!

Дверь захлопнулась, и Лина исчезла. Илона поднялась и пошла в хранилище – полуподвальное помещение, забитое ящиками с неразобранными документами и разными материалами, не представляющими исторического интереса, но которые жалко выбросить. Директор музея давно грозился по примеру западных коллег устроить во дворе музея «блошиный рынок» и разгрузить хранилище, да только кто ж ему позволит!

Агния Филипповна сидела на табурете в закутке краеведения расстроенная, с красным лицом и, едва не плача, созерцала гору выброшенных из ящика бумаг.

– Илона, посмотри, что творится! – простонала Агния Филипповна. – Теперь за сто лет не разгребешься! За всю мою жизнь такого... никогда! Куда мы идем?

Куда мы идем? Любимая тема старшего поколения. Куда мы идем и на кого страну оставить.

Ошеломленная Илона стояла столбом, не веря глазам. Разгром!

– Что за документы? – спросила не сразу.

– Вот тут указано, – Агния Филипповна кивнула на наклейку на ящике. – Середина прошлого века, пятидесятые примерно. Вырезки из прессы, литературный клуб «Оракул», общество «Знание»... Не понимаю!

– Директор знает?

– Я тебя ждала. Надо сказать. Иди и скажи.

– Дверь была открыта?

– Да она же не закрывается, замок заедает, я сто раз говорила!

– Помню. Пойдемте наверх, Агния Филипповна. Дать валидол?

– У меня есть. Пошли!

Илона помогла ей подняться...

...– Что? Документы? Украли? Что за документы?

Директор Максим Петрович оторвался от экрана компьютера и взволнованно уставился на Илону. Худой, с выпуклыми голубыми глазами за линзами круглых бухгалтерских очков и седыми остроконечными усами «а-ля Дали». Шевелюра пышная, тоже седая, кудри торчат в разные стороны. Давно пенсионер, но работающий. Человек неплохой, правда, нудный, мно-

гословный, трепетно относящийся ко всякой бумажке и протоколу, к тому же всегда опасющийся начальства.

– Середина прошлого века примерно. Ничего особенного, часть материалов продублирована в центральном архиве. Не думаю, что на самом деле украли.

– А что же тогда? Как вы объясните произошедшее ЧП?

– Хулиганство, наверное. Вандализм. – Илона хотела добавить: «Кому эти бумажки нужны?» – но промолчала.

– Вандализм? В стенах музея? Украсть краеведческие материалы... неслыханно! Что именно там было? Надеюсь, вам известно содержимое ящиков?

Илона пожала плечами:

– Материалы и личная переписка членов литературного общества «Оракул», газетные вырезки, посвященные местным культурным событиям, постановления всяких органов по культуре. Знаете, я думаю, ничего не украли, а просто опрокинули ящик.

– Просто опрокинули ящик?! – Директор был потрясен. – Для вас это просто? С какой целью? Кто посмел покуситься на музей, на святая святых, на последний бастион культуры среди всеобщего падения нравов и упадка образования?

– Я же говорю, вандализм, – скучно повторила Илона. – А может, случайно ящик упал и перевернулся, вот бумаги и рассыпались. Не знаю.

– Случайно? Случайно зашли в хранилище и случайно украли документы? А все халатное отношение! Там у вас дверь часто не заперта! Я всегда говорил! Кто угодно может зайти! Как это можно опрокинуть ящик случайно? В полицию сообщили?

– Нет еще. Думаете, надо? Ведь ничего не взяли...

– Откуда вы знаете, что взяли и чего не взяли и что возьмут завтра? – резонно возразил директор. – Я сам позвоню. Опись хоть есть?

– Краткая. Сами знаете, нехватка кадров. Да там всякая ерунда.

– В музее не бывает ерунды! – внушительно поднял указательный палец директор. – Составьте с Агнией опись – она должна помнить, хотя бы примерно. Ерунда... – буркнул недовольно. – С точки зрения краеведения ничто не ерунда! Это наша история, наше прошлое! Наш хлеб, наконец! Человек, не знающий своего прошлого, не может идти в будущее. Это аксиома! Вам, как историку, полагается знать, и вообще, удивляюсь я на вас, молодое поколение, полный пофигизм во всем!

«Пофигизм», надо же! Директору такой лексикон подходит как пресловутой корове седло. Псевдокультурное заимствование из новояза современных недорослей. Илона мысленно фыркнула.

– Именно, пофигизм! – повысил голос директор, похоже, почувствовал фырканье. – Мы в ваше время... ого-го!

И так далее, и тому подобное.

Дальше пошли в ход цитаты из статей и кандидатской диссертации Максима Петровича. «Конек» директора: настоящее как синтез прошлого и будущего. Илона неприметно вздохнула.

– Ладно, идите работайте, – прервал сам себя директор. – Да, еще. Как там Лина? Справляется? – понизив голос, спросил директор, будучи, как помнит читатель, еще и заботливым дедушкой.

Илона пожала плечами.

– Работает.

– Ладно, можете идти. И если что, никакого спуска! Молодежь сейчас абсолютно безответственная, не то что мы в наше время...

Еще пара цитат о голодном детстве, и Илона с облегчением закрыла за собой дверь и перевела дух. Ну почему старшее поколение так любить зудеть и воспитывать? Ведь прекрасно понимает, что всем по барабану. Должно быть, из чувства долга.

Внучка директора, малолетка Лина, – девчонка безвредная, хотя и пользы от нее как от козла молока. То есть скорее нет, чем есть. Но девочка приятная. Когда варит кофе, всегда спросит: «Илон, будешь? Филипповна, вам тоже?» Когда болеет уборщица, моет пол и вытирает пыль. Правда, плохо. Но не отлынивает, и мордочка славная. Вид отсутствующий, в ушах наушники, во рту резинка, на джинсах дырки. И словечки непонятные употребляет. Непонятные, но смешные. Дедушку называет «динóз», жалуется, что дедуля всю дорогу «выступает не по сабжу»², в смысле критикует и воспитывает. «Диноз», по-видимому, «динозавр». Еще и на роликах – так и сигает молнией по залам. Коллектив сначала принял в штыки: караул, посбивает экспонаты и вообще ничего святого, но потом как-то пообмяк и попривык. Даже те, кто шипел по углам про использование служебного положения в личных целях, как-то смирились.

Новая генерация, новые песни, молодая кровь. Смотреть вслед, завидовать и вздыхать...

---

² От *англ.* «subject», что в пер. – «тема», т. е. не по теме.

Глава 4

Неожиданная встреча

Алексей Генрихович Добродеев – гордость местного бульварного листка «Вечерняя лошадь», а также, по собственному нескромному мнению, самое выдающееся и самое бессовестное перо из ныне трудящихся на ниве городской журналистики поспешал на встречу со спелеологом-любителем. Спелеолог этот недавно раскопал в букинистической лавке очередную и, скорее всего, фальшивую карту местных пещер с крестиками на месте кладов. По дороге журналист заскочил перекусить в небольшое скромное кафе «Детинец» и невольно чертыхнулся при виде сидящего за столиком в углу профессора Игоря Владиславовича Лещинского. Алексей Генрихович сделал вид, что ученого мужа не заметил, и поместился в противоположной части зала. Почему же, спросит читатель, журналист Добродеев повел себя столь странно? Публичная фигура, деятель культуры, воспитанный человек, и вдруг подобный моветон!

А дело, оказывается, было вот в чем. Пару месяцев назад журналист тиснул в «Лошади» интервью с профессором Лещинским о местной достопримечательности – Антониевых пещерах. Но в статье Алексей Генрихович изрядно переврал слова Лещинского, заявив, будто бы ученый подтвердил наличие в пещерах привидений древних монахов и сверхъестественного феномена, а именно: остановки времени на пять минут, точнее, на четыре минуты и сорок девять секунд. Такая точность в деталях была на самом деле хитрым журналистским приемом, призванным придать истории достоверность. Профессор прочитал интервью и написал опровержение на имя главного редактора, в котором обвинил журналиста в недобросовестности и профанации, понимай, в нахальном вранье, и потребовал извинений. Извиняться отправили виновника конфликта. Добродеев бил себя в грудь и каялся, что не так понял уважаемого Игоря Владиславовича и готов сию минуту исправить содеянное и посыпать голову пеплом. Журналист целовал руки сестре профессора Елене Владиславовне, милой немолодой даме, пил чай с домашним печеньем и восхищался бронзовым Буддой в остроконечной шапочке, привезенным профессором из Таиланда. Лещинский оттаял, потерял бдительность и неосторожно рассказал о странных физических явлениях, в действительности зафиксированных учеными в древних культовых сооружениях, в том числе и об отставании хронометров на сотые доли секунды, что необъяснимо с точки зрения современных естественных наук. Снова были упомянуты Антониевы пещеры – давешнее яблоко раздора. Добродеев интересовался деталями и деловито щелкал диктофоном. И в итоге родил новый материал, где снова переврал слова профессора. В этой статье Алексей Генрихович сообщил читателям следующее: уважаемый профессор Лещинский подтвердил отставание времени в Антониевых пещерах, а также признал существование звуков непонятного происхождения, похожих на человеческие голоса и плач и наводящих на мысли о призраках древних монахов, чьи тени до сих пор обитают... и так далее, и тому подобное. Словом, не в лоб, так по лбу. Мягкий и спокойный обычно профессор впал в ярость и написал гневный протест против извращения научных знаний главному редактору бульварного листка, а заодно мэру и начальнику полиции, попутно пригрозив борзописцу Добродееву и его начальству судом. Журналист снова отправился извиняться. Но Игорь Владиславович бессовестного обманщика не принял, и ситуация повисла в воздухе.

Теперь же Добродеев вынужден был старательно делать вид, будто профессора не замечает: озабоченно хмурился, просматривая меню, и даже заслонился вазочкой с тремя ромашками. Словом, маскировался, как мог. Алексей Генрихович так увлекся изучением меню, что вздрогнул, когда профессор вырос рядом с его столиком и спросил: «Вы позволите?» Добродеев вскочил и забормотал, мол, страшно рад, не заметил, не обратил внимания... Ах, как

неловко! Игорь Владиславович перенес со своего столика графинчик водки и рюмку и сел напротив.

– Выпейте со мной, Алексей Генрихович, за упокой сестрицы Елены Владиславовны, – сказал, печально глядя на журналиста. – Третий день после похорон, а я все не верю...

– Как за упокой?! – потрясенно воскликнул Добродеев. – Мы же виделись с Еленой Владиславовной совершенно недавно! Что случилось?!

И профессор поведал журналисту о ночных грабителях, об инфаркте у славной Елены Владиславовны, о пропаже компьютера с архивами и адресами и Будды в остроконечной тиаре из Таиланда.

Добродеев внимал, не перебивая, что было довольно-таки удивительно, поскольку умение слушать собеседника никогда не входило в число его добродетелей. Но тут Алексей Генрихович проникся горестной историей, смотрел жалостливо и кивал. Потом разлил водку из графинчика по рюмкам и сказал:

– Пусть земля пухом!

Они выпили, и профессор заплакал. Добродеев протянул ему салфетку.

– И понимаете, весь архив, все материалы, вся переписка! – с трудом выговорил Игорь Владиславович. – Годы работы псу под хвост! Зачем? Это же не банковские операции, не бизнес... Это история! Наука! А Будда в тиаре?

– Можно поискать в скупках... – пробормотал Добродеев.

– Студенты обещали поспрашивать... Но сами понимаете... – профессор махнул рукой. – А всякие бумажки, счета... Поверите ли, я даже не знаю, где Леночка покупала продукты...

– Вам нужна домработница, – веско сказал Добродеев. – Я могу помочь. Какая-нибудь понимающая добрая женщина. Хотите?

– Даже не знаю... – озадачился Игорь Владиславович.

– Обещаю! – Добродеев приложил руку к груди, словно клялся. – Женщина за мной. Игорь Владиславович... – он слегка замялся.

Профессор взглянул вопросительно.

– Игорь Владиславович, как, по-вашему, что им было нужно? Ведь не за компьютером и статуэткой они приходили? Ни золота, ни денег... Живете вы скромно. Не понимаю. Хоть какая-то мысль?

Профессор пожал плечами:

– Да я и сам не знаю, что думать! Может, ошиблись квартирой? Хотя у нас живет в основном интеллектуальная публика, небогатая профессура... Ну, иномарка, поездка в Египет, несколько картин или небольшая коллекция монет... Не понимаю.

– У меня есть друг-экстрасенс, – веско сказал Добродеев. – Очень опытный и бывалый человек, просекает любую ситуацию на корню и видит всех насквозь. Вы не против, если мы заглянем? Так сказать, на огонек? Можно даже сегодня.

– Экстрасенс? – Профессор пожевал губами. – Я как-то не верю в экстрасенсорику, я реалист, видите ли. Леночка, правда, верила. Он что, друг этот ваш, закатывает глаза и впадает в транс? Предсказывает будущее? Для меня это, видите ли, просто кликушество. Уж извините, не хочу обидеть ни вас, ни вашего достойного друга, уважаемый Алексей Генрихович. У которого, как я понимаю, нет ни хорошего диплома, ни научной карьеры... Я читал, что лишь один из тысячи этих так называемых обладателей паранормальных способностей может что-то угадать. Да и то, думаю, это просто манипуляции. Вроде фокусника в цирке. Этот ваш друг, к примеру... Чем он занимается в реальной жизни?

– Он замечательный человек! – с энтузиазмом воскликнул Добродеев. – Философ, путешественник, психолог, доктор физико-математических наук... С дипломами, между прочим.

Тут Добродеева слегка занесло. Ну, не доктор, а кандидат, если честно, но так ли это важно? Главное – создать образ. Имидж решает все!

– Профессор? – удивился Игорь Владиславович. – Путешественник? И при этом экстрасенс?

– Именно! Жил в монастыре в Непале, перенял духовные и физические практики тамошних лам. В некотором смысле анахорет, любит одиночество. Но и людям помогает...

– Этим и кормится?

– Нет, он бессребреник. Гуманист и либерал. А кормится с маленькой фабрички диетических добавок, созданных по старинным гималайским рецептам. Называется «Зеленый лист».

– От монахов? – догадался профессор.

– Ну! У него есть сайт, я вам сейчас на всякий случай запишу адресок... – Добродеев вдруг вспомнил, что компьютер у профессора украден, и запнулся.

Лещинский понял:

– Я посмотрю на кафедре, давайте.

Добродеев нацарапал на салфетке адрес и протянул Игорю Владиславовичу. Тот рассмотрел, аккуратно сложил и спрятал в карман пиджака. Подумал и сказал:

– Приходите вечером, часиков в восемь, если вам удобно.

– Придем! – обрадовался Добродеев. – Обязательно! Олег вам понравится. Он всем нравится, у него сумасшедшая харизма и абсолютно дикий шарм, вот увидите!

Человек с сумасшедшей харизмой и диким шармом... Надо же! Ох уж эти мне писаки, как скажут, так сразу хоть стой, хоть падай. И профессор, и философ, и психолог, и путешественник, и без пяти минут тибетский монах, то есть лама... Кстати! Фамилия его Монахов, прозвище Монах. Совпадение? Или указующий перст судьбы? Символ жизненного предназначения?

Олег Христофорович Монахов, профессор, путешественник... и все такое прочее. Друг Добродеева. Личность действительно крайне неординарная, чего уж там – шила в мешке не утаишь. Неординарная и непредсказуемая, а также нестандартная во взглядах и всех своих проявлениях, с сумасшедшей харизмой и диким шармом. Скажете, нет? Скажете, погорячился старик Добродеев или того хуже – привирает? Привирает?! Ну водится за ним такой грешок, что есть, то есть, чего греха таить. А с другой стороны, какой репортер без вранья? Бросьте камень, как говорится, кто сам ни разу в жизни не соврал. Хоть и привирает старик Добродеев изрядно, но в описании достоинств Монаха ничуть не погрешил против истины. Неординарность этого человека начинается прямо с его внешнего вида!

Судите сами. Толстый, большеголовый, с длинными русыми волосами, скрученными в узел на затылке, с рыжей окладистой бородой, с пытливыми голубыми глазами, полными любопытства и благодушия. Всегда в отличном расположении духа. Возможно, именно поэтому обладает отменным аппетитом, любит покушать, но не гурман, с удовольствием кушает все. Видит всех насквозь, отлично знает человеческую породу и все ее мелкие полупристойные уму- и телодвижения. Но при этом снисходителен, никого не судит, а при случае и сам способен преступить... гм... но только для пользы дела, а также из любопытства. Вполне искренне считает себя волхвом. «Я, конечно, не Господь Бог, – любит повторять Монах с присущей ему скромностью, – а всего-навсего маленький незаметный волхв с детективным уклоном и легким даром ясновидения». Зачатки ясновидения, внезапные озарения и догадки, интуиция, вещие сны... Да, да! Присутствуют! Так сказать, его сильная сторона... Вернее, одна из его сильных сторон, поскольку есть и другие. Например, наблюдательность. Монах чувствует себя зрителем в театре по имени Жизнь: внимает, делает мысленные заметки, но ничего не воспринимает всерьез. Любит думать. Застынет, сосредоточится, вперит взгляд в пространство и при этом раз за разом степенно пропускает бороду через пятерню – так легче думается.

Между прочим, твердо уверен: там, за пределами бытия, нас ожидают приятные сюрпризы, ибо материя бесконечна.

И вот представьте себе такую картину: идет Монах по улице в широких белых полотняных штанах, в необъятной голубой футболке (а он любит голубые рубашки и футболки), в матерчатых китайских тапочках с драконами, с рыжей бородищей и узлом волос на затылке. Идет не торопясь, слегка раскачиваясь для равновесия, на лице задумчивость и благодать, а подслеповатые бабульки крестятся, принимая Монаха за служителя культа, и благословения просят. Он же серьезно кивает и осеняет их замысловатым неспешным мановением толстой длани.

В свое время Монах практиковал как экстрасенс и целитель. Причем весьма успешно. Был такой период в его пестрой биографии. А еще преподавал физику в местном педвузе, потом перекинулся на психологию, стремясь разобраться в душе как собственной, так и страждущих. Был женат три раза. Жены его были красавицами и умницами – одна даже была известной актрисой, – и дружеские отношения сохраняли после разводов...

Все в прошлом. Был, преподавал, женился, практиковал...

«Ну и?» – возможно, спросит читатель. В чем дело? Почему был? Он же еще не умер! А дело в том, что у Олега Христофоровича Монахова не иначе как шило в одном месте. Так считает Анжелика, супруга Жорика Шумейко – школьного друга Монаха и по совместительству бизнес-партнера по «Зеленому листу». И оттого Монах всегда сбегает. Не успеет согреть место, не успеет встретить замечательную женщину, или карьера поперет, как вдруг одномоментно и бесповоротно сыплется и рухнет вся его жизнь! Просыпается в нем что-то и толкает, толкает вон из города, на волю, топтать вдаль с неподъемным рюкзаком за плечами, ночевать в чистом поле и пить из ручья. Бродяжничать, одним словом. И тогда он все бросает: и жен, и насиженное место, и друзей – и летит куда глаза глядят. В тайгу, в Монголию, Непал или Индию.

И, затерявшись в непроходимых дебрях, любитесь цветущими белыми и красными олеандрами или сидит неподвижно на большом валуне, смотрит на заснеженные горные пики, а в прищуренных глазах отражается хрустальный рассвет. Безмятежность, покой, отрешенность, сложенные на коленях руки... Нирвана. Счастье. Постигание.

Таким он видит себя: странствующий философ, бродяга, вечный скиталец, топает себе по шарикку с котомкой за плечами, глазеет по сторонам и тем счастлив.

Монах понимает в травах – ему сварить любое снадобье, раз плюнуть. Потому и фабричка «Зеленый лист», одна на двоих Жориком Шумейко, процветает. Не бог весть что, но на прокорм хватает.

С журналистом Лешей Добродеевым (рабочий псевдоним Лео Глюк, вернее, *один из псевдонимов*) они столкнулись, можно сказать, случайно. Что называется, судьба свела. Монаха попросили разобраться с убийствами девушек по вызову, тут-то они с Лешей и встретились...³

Попросили разобраться? Монаха? С какого такого перепугу, может спросить читатель. В смысле, с какого перепугу попросили именно Монаха. Он что, частный сыщик? Оперативник на пенсии? Нет, нет и нет. Монах не частный сыщик и не оперативник на пенсии, а попросили его по одной простой причине: пару лет назад создал Олег Христофорович сайт под названием «*Бюро случайных находок*» – накатило настроение, соскучился по людям, скитаясь в тайге, и захотелось новых прекрасных жизненных смыслов. Адрес именно этого сайта и подсунул Добродеев профессору Игорю Владиславовичу Лещинскому. А на сайте предложение помощи всем попавшим в кризисную ситуацию с девизом: «*Не бывает безвыходных ситуаций*» от бывшего человека и путешественника Олега Христофоровича Монахова. И еще фотография для наглядности: здоровенный детина с рыжей бородой в голубой джинсовой рубашке

---

³ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Маятник судьбы».

смотрит на зрителя, щурится на солнце, улыбается, руки сложены на мощной груди – Монах собственной персоной.

Требующих немедленной помощи оказалось всего ничего – отозвались всего четверо страждущих, причем двое отсеялись ввиду полной неадекватности. Но зато состоялась историческая встреча Монаха и Добродеева – летописца криминальных хроник и эзотерических сказаний. Эти двое сразу нашли общий язык, заключили договор о творческой взаимопомощи и породили *«Детективный клуб толстых и красивых любителей пива»*. Название со временем усовершенствовалось и стало еще значимее: *«Детективный клуб толстых и красивых любителей пива и подвешивателей официальных версий»*. Монах стал интеллектуальным «движителем» расследований и аналитиком клуба, а Добродеев взял на себя функцию добычи информации из самых достоверных источников, поскольку обладал невероятно обширным кругом весьма неожиданных знакомств. По причине некоторой склонности к аферам и мистификации, журналист Добродеев всегда был готов разделить самые бредовые идеи Монаха. Явочной квартирой Клуба стал бар «Тутси». Тот самый, где барменом добряк Митрич, он же хозяин заведения. Добавьте сюда «фирмовые Митрича» – одноименные бутерброды с копченой колбасой и маринованным огурчиком – и замечательное пиво! И девушку, которая поет по субботам – не дешевую попсу, а настоящие старинные романсы, а также из бардов, плюс фотографии местных и залетных знаменитостей с автографами; и вам сразу станет ясно, что «Тутси» – бар для понимающих: без криков, скандалов и мордобоя, но с теплой, почти семейной атмосферой в духе эдакого слегка ностальгического ретро...

И вот этого необыкновенного человека собирался Добродеев привести вечером к профессору Лещинскому, от души надеясь, что они понравятся друг другу и профессор увидит свет в конце туннеля...

Дай-то бог.

Глава 5

Кошмар

Весь рабочий день в музее прошел под знаком неприятного события. В смысле полетел к черту. Сотрудники возбужденно шушукались, вспоминали истории городских ограблений, искали аналогии и пытались хоть как-то объяснить непонятное событие, случившееся в краеведческом отделе. Умозрительно искали возможных преступников и соображали «кому выгодно». Перечисляли по пальцам посетителей, которых было раз-два и обчелся. Сошлись на том, что надо починить замок, чтобы не вынесли действительно ценные экспонаты: картины, или монеты, или, не дай бог, что-нибудь из коллекции Рунге. Директор приказал тут же начать инвентаризацию во избежание утечки музейных ценностей, а заодно выявить слабые места в храме науки – в смысле ослабленные замки, защелки, засовы, не запираемые, по причине возможной утери ключей, двери в подсобные помещения и хранилище, проверить также сигнализацию и окна.

Кстати, а что это за коллекция Рунге, столь высоко ценимая сотрудниками музея, может поинтересоваться читатель? Коллекция Рунге – истинная жемчужина и гордость музея. Впрочем, с самого начала оговоримся, что большой исторической ценности эта коллекция не имеет, однако интересна сама история ее появления среди экспонатов музея. Доктор Рунге – врач, известный меценат и патриот родного города – завещал музею свой разношерстный антиквариат: китайские и японские вазы, европейскую мебель в стилях барокко – с пастушками, кавалерами и дамами в пышных кринолинах – и ампир, картины, среди которых была парочка очень и очень неплохих, статуэтку слоновой кости и несколько бронзовых, старинные книги по белой и черной магии на французском языке, несколько десятков монет и всякую другую мелочь, скупленную по антикварным лавочкам и блошиным рынкам Европы и Америки. Наследник доктора, оставшись без наследства, хотел было судиться с музеем, но потом решил, что себе дороже. Заявил, будто страшно рад решению дорогого дядюшки, и выторговал право открыть выставку в его честь при стечении народа и прессы. Из-за проявленного доктором Рунге дилетантизма в деле скупки антикварных диковин его собрание оказалось полностью лишенным скучного налета академизма, красочным и приятным глазу, но имеющим и общеобразовательную ценность. А потому коллекция доктора по праву заняла подобающее место в экспозиции музея, до сих пор вызывает большой интерес, и не будет преувеличением сказать, что коллекция вошла в моду, и посещать музей время от времени стало признаком хорошего тона.

К большому облегчению персонала и лично директора Максима Петровича, коллекция Рунге не пострадала, равно как и другие экспонаты. Вандалы и грабители, похоже, удовольствовались лишь перевернутым ящиком с краеведческими материалами середины прошлого века. Дешево отделались, можно сказать. Но и получили хороший урок на будущее.

И только вечером, по дороге домой, Илона поняла, что из-за кутерьмы с инцидентом в хранилище совершенно забыла о Доротее, так ей и не перезвонившей. Она тут же извлекла из сумочки мобильный телефон и набрала Доротею, но та снова не ответила. Недоумевая, Илона свернула с Пятницкой в свой частно-секторский закуток. Мельком отметила, что машины в «черной дыре» в центре перекрестка уже не было, а сама «черная дыра» была прикрыта громадными деревянными щитами с красными флажками по периметру. Илона достала ключи, поднялась на крыльцо небольшого аккуратного домика, с досадой пнув нижнюю проваленную ступеньку – сбежавший любимый обещал починить, но дальше обещаний не пошло, – и сунула ключ в замочную скважину. К ее изумлению и оторопи, дверь, скрипнув, подалась. Илона недоуменно застыла, пытаясь сообразить, что бы это значило. Потом поняла – скорее всего,

уходя на работу, забыла запереть, и это вполне объяснимо, принимая во внимание утренний стресс. Бабушка Аня называла Илону вороной за утеранный зонтик, за опоздания, за оставленную в троллейбусе курточку. «Ну как можно быть такой вороной!!!» – восклицала бабушка.

Забыла запереть дверь! Ворона и есть. Илона-ворона!

Вытащив из замка ключ, Илона вошла в прихожую. С облегчением захлопнула дверь, сбросила туфли на высоких каблуках и прислонилась к косяку – наконец-то дома! После заполошного дня, идиотских домыслов насчет намерений неведомых злоумышленников, всяческой суеты и разборок с полицией – покой и родные стены. Илону передернуло при воспоминании о майоре Мельнике, здоровенном амбале, который сверлил ее подозрительным взглядом и нудно выпрашивал об украденных материалах. Илона вяло отбивалась, намекая на отсутствие состава преступления, то есть полную сохранность архивных материалов, но майор Мельник, вслед за директором Максимом Петровичем, парировал: «Как же она, Илона, может утверждать, будто бы ничего не украдено, если хорошенько не знает, что было в перевернутом ящике и даже описи не имеется?» Как сговорились они все! В итоге пришлось писать объяснительную записку, а майор Мельник подсказывал юридически правильные обороты и фразы. Запахло открытием дела о вандализме и злостном хулиганстве, а Илоне была определена роль свидетеля и обвиняемого. На прощание майор Мельник сказал, что их беседа не последняя, потому как у следствия могут появиться дополнительные вопросы, а если вопросы или новая информация появятся у Илоны, то милости просим... И с этими словами майор протянул Илоне свою визитку. «Илон, коп на тебя запал, – прошептала Лина. – А чего? Он ничего, только старый». Затем музейные работницы понаблюдали через окно, как майор Мельник уселся в черный джип, тут же взревел двигателем и унесся прочь. «Пошли, примем, – сказала Лина, – пока дед в отключке после допроса». И они пошли пить кофе...

В доме было удивительно тихо. Илона постояла, закрыв глаза и впитывая родную атмосферу, наполненную теплом, безопасностью и уютом. Потом она часто вспоминала это чувство, пытаясь доказать самой себе, что было это неспроста, а наоборот, являлось *оменом* – знаком беды, затишьем перед бурей, продолжением ночного катаклизма с громом, молнией и черной дырой в земле.

Отдохнув пару минут, Илона пошлепала босиком в спальню, сбрасывая по дороге жакет, расстегивая молнию юбки и стаскивая с себя блузку. В спальне она накинула коротенький пестрый халатик и отправилась в ванную. Открыла кран, сунула руки под холодную струю – теплой воды уже месяц как не было – и уставилась на себя в зеркало. Вода текла, рукам стало холодно, а Илона все смотрела на себя и думала, что с ней не так. Почему? Какого рожна им надо? Извечный дамский вопрос. Не стерва, не уродина, не жадная... Почему? Женщина из зеркала тоже удивлялась и не знала, почему. Все при ней: карие глаза... бабушка говорила: как вишни, приятной округлости овал лица, острый милый подбородок, пикантный вздернутый нос... чуть-чуть вздернутый, самую малость. С таким носом нужно стрелять глазами и все время улыбаться. Или хотя бы не хмурить брови. И ни в коем случае не реветь. Тем более вздернутый нос имеет привычку краснеть в минуты волнения. Привычно защипало в глазах, нос немедленно покраснел, а подбородок задрожал.

– Прекрати! – скомандовала себе Илона. – Реветь она еще тут будет!

Не помогло. Слезы покатались из глаз, как горох. Илона набрала в пригоршню воды, плеснула в лицо. Ух! Вода была ледяной. Илона судорожно вдохнула и закашлялась.

Потом она долго пила на кухне кофе с бутербродами, а затем, достав из буфета бутылку красного вина и бокал, отправилась в гостиную к телевизору. Не включая света, поставила бутылку и бокал на журнальный столик и потянулась к торшеру. Темно-желтый абажур вспыхнул приятным золотистым светом. И вот тогда Илона увидела лежащего на полу около серванта мужчину. Ошеломленная, не в силах шевельнуться от ужаса, она застыла на бесконечную минуту и только потом закричала и вскочила с дивана. Крик получился хриплый, не очень

громкий, а какой-то полузадушенный; журнальный столик отлетел в сторону – Илона толкнула его коленом, бутылка опрокинулась, вино пролилось на пол. При виде льющейся красной жидкости Илона закричала снова и намного громче, а потом кричала все время, пока бежала из гостиной. Замолчала она только в прихожей, где схватила сумочку и выскочила на крыльцо, как была, босая и в коротком халатике. Дрожащими руками достала мобильный телефон и визитку майора Мельника.

Майор не сразу понял, кто она и что пытается сказать, поскольку Илона заикалась и с трудом выговаривала слова. Зубы выбивали дробь, ее трясло, голова кружилась.

– Что-то вспомнили? – пророкотал майор Мельник. – Жду вас завтра в десять...

– Нет! – отчаянно закричала Илона. – У меня в доме мертвый человек!

– Мертвый человек? – спросил после небольшой паузы майор Мельник. – Вы уверены?

– Он не шевелится!

– Вы его знаете?

– Не знаю! Я не видела лица... он лежит на полу!

– Илона Васильевна...

– Вениаминовна!

– Извините. Илона Вениаминовна, вы утверждаете, что в вашем доме находится труп неизвестного вам человека... мужчины, так? Успокойтесь, подумайте и отвечайте.

– Утверждаю! Лежит в гостиной!

– То есть вы вернулись с работы и заметили лежащего в гостиной мужчину?

– Да! На полу! Не сразу заметила, я туда не входила! Вы не могли бы приехать? Я не знаю, что делать... – Илона всхлипнула.

– Адрес!

Запинаясь, Илона продиктовала свой адрес.

– Сейчас буду! – сказал майор Мельник и отключился.

Все время до приезда майора Илона простояла на крыльце. Вечер был прохладный, тело сотрясала крупная дрожь – уже не только от страха, но и от холода. Ее окликнула соседка Мария Августовна, но Илона притворилась, будто не слышит. Со стоном облегчения она увидела давешний черный джип, затормозивший у дома. Приехал майор Мельник. Большой, насупленный, недоверчивый. Майор остановил на Илоне тяжелый взгляд, и она почувствовала, как жалка и неубедительна вот так, босиком, полураздетая, в легкомысленном халатике. Ей даже показалось, что майор принохался, и мельком подумала, что вот как хорошо, не успела с вином, а то получилось бы неудобно.

– Добрый вечер, Илона Вениаминовна, – сказал майор. – Где труп?

– Пойдемте! – Илона толкнула дверь, пропуская гостя вперед. – Дверь налево... там!

Майор Мельник стал на пороге гостиной.

– Около серванта, – подсказала Илона, стоя у него за спиной. Ей вдруг показалось, что она ошиблась, и это был обман зрения, и там никого нет. Тем более в гостиной так уютно горел торшер, наполняя комнату мягким успокаивающим полусветом.

Но она не ошиблась. Майор Мельник прошел в гостиную, бросив: «Включите верхний свет!», задержал взгляд на опрокинутой бутылке и красной луже и нагнулся над лежащим на полу мужчиной. Илона щелкнула кнопкой, и гостиную залил яркий свет люстры. При свете она рассмотрела то, чего не увидела раньше. Мужчина лежал лицом вниз, разбросав руки, а вокруг его головы растекалась черная лужа. Илона с ужасом поняла, что это кровь. Рядом лежал белый шар размером с мячик для настольного тенниса. Илона не сразу сообразила, что это деталь статуэтки, обычно стоявшей на тумбочке справа от серванта. Гривастый лев, попирающий передними лапами кривоватый шар – тяжелый неуклюжий китч «под классику», – был подарен Илоне сотрудниками музея на юбилейный день рождения. Девушка поискала глазами остальное и заметила львиную голову, отлетевшую к окну, а под журнальным столиком

– туловище с хвостом. Картина не оставляла ни малейших сомнений – именно лев послужил орудием убийства.

Илона неслышно ахнула и, почувствовав головокружение, оперлась плечом о косяк двери. На миг ей показалось, будто на полу лежит Владик, но руки мужчины были чужими, и на правом мизинце Илона рассмотрела перстень – серебряный с квадратной черненой печаткой.

– Не подходите, – сказал майор Мельник. – Вы его знаете?

– Не знаю, – пробормотала она. – Дверь была не заперта почему-то...

– Входная?

– Да...

– Во сколько вы вернулись?

– В восемь, задержалась после работы... Мы работаем до шести.

– Понятно, – сказал майор Мельник, вытаскивая мобильный телефон...

...Илона сидела на кухне, а незнакомые люди возились в ее гостиной. Она слышала клацанье затворов фотокамер, звуки тяжелых шагов, мужские голоса; иногда разбирала отдельные слова, смысла которых не могла уловить. Перед Илоной стояла новая бутылка вина и бокал. После трех бокалов она впала в ступор и уже плохо соображала. Иногда приходил майор Мельник, внимательно смотрел на бутылку, переводил взгляд на Илону и задавал очередной вопрос. Его интересовало, что пропало, какие ценности хранятся в доме, кто еще здесь живет, кроме нее, Илоны. Майор отправил помощника к соседям, велел узнать, не видели ли те подозрительных людей на улице, неизвестного мужчину, входившего в дом к Илоне, незнакомую машину или такси. Дом Илоны находился в тупичке, выхода из которого не было, вернее, вход был в то же самое время и выходом, а потому всякий незнакомый человек бросался в глаза, и тем более чужая машина.

Потом какой-то мужчина в синем комбинезоне взял у Илоны отпечатки пальцев, приложив их сначала к подушечке с краской, а затем к бумаге, после чего, не произнеся ни слова, вышел из комнаты. Илона же бессмысленно смотрела на испачканные пальцы, расставив их веером. Заглянувший в комнату майор Мельник сказал, что такова процедура и теперь можно пойти помыть руки.

– Вы думаете, это я его? – спросила Илона, вновь готовая заплакать.

– Нужно исключить ваши отпечатки, – объяснил майор Мельник. – Вы ничего там не трогали? Кроме льва, раньше?

– Я даже не подходила к нему! К тому человеку! – закричала Илона. – И крови не заметила... Как увидела, так сразу выскочила из дому!

– Идите, приведите себя в порядок, – почти приказал майор Мельник Илоне.

По предварительному заключению судмедэксперта, смерть неизвестного мужчины в возрасте примерно тридцати – тридцати пяти лет наступила около шести-восьми часов назад, то есть приблизительно в два часа дня. Причиной смерти стала обширная кровопотеря, вызванная сильным ударом в затылочную часть головы, предположительно нанесенным мраморной статуэткой, изображающей льва на шаре.

Ни документов, ни портмоне, ни мобильного телефона рядом с телом найдено не было, из особых примет – серебряный перстень с печаткой на мизинце правой руки, а на шее золотой крестик на золотой же цепочке, левое ухо было проколото, но серьга отсутствовала, и поиски ее результатов не дали.

Майор Мельник несколько раз высказал предположение: возможно, Илона все-таки увидела жертву раньше – в качестве посетителя музея, и, более того, посетителя, заглянувшего в музей именно этим утром.

– Почему утром? – недоуменно спросила Илона.

Майор Мельник, в свою очередь, спросил, понимая тем не менее всю несостоятельность вопроса, не мог ли этот человек быть тем, кто перевернул ящик с краеведческими материалами.

Илона ответила неожиданно трезво: мол, не факт, что ящик перевернули сегодня утром, могли и вчера, и даже третьего дня... И вообще, что общего у ящика с никому не нужными вырезками из советских газет и неизвестного любителя влезать в дома одиноких девушек? Кроме того, его, ну, кто ящик перевернул, никто и не видел. Мало ли...

Майор Мельник покивал согласно и спросил, много ли у Илоны друзей в социальных сетях. Илона ответила, что немного и этот, из гостинной, точно в их число не входит.

– А ваш друг? Никогда не поверю... такая интересная девушка, и одна... – спросил майор, и было заметно, что вопрос дался ему с трудом.

– Вы про Владика? – переспросила Илона, удивившись осведомленности майора относительно деталей ее личной жизни. – У меня больше нет друга. Если вы намекаете на Владика, то ошибаетесь. Это точно не Владик.

– Нет друга? В каком смысле? – спросил майор Мельник.

– В прямом. Он меня бросил, – сказала Илона горько.

– Бросил? Ни за что не поверю. Когда? – спросил майор Мельник.

– Сегодня ночью. Когда была гроза. А потом история с хранилищем, а теперь убитый чужой человек в моем доме... это же с ума сойти! И ваша краска не отмывается! – Она помахала рукой перед носом майора.

– А вы уверены, что это не он... там? – Вопрос, конечно, не самый умный.

– Что я, совсем того... Нет, конечно. Я этого... мужчину... никогда в жизни не видела!

– И никаких мыслей, как он сюда попал и зачем? Может, мастер какой или, там, слесарь? Пришел ставить рамы? Ключи никому не давали?

Илона помотала головой.

– Не давала. Понимаете, – сказала она, заглядывая в глаза майору Мельнику, – мне не везет с мужчинами. Мне, Доротее и Моне, нам всем...

– Кто такие Доротее и Мона? – разумеется, спросил майор Мельник.

– Подруги.

– У них были ключи от вашего дома?

– Не было.

– А вы не могли оставить дверь незапертой?

– Могла. Из-за Владика... расстроилась.

– А у него был ключ?

– Был. Он оставил его на тумбочке в прихожей. Но мог снять слепок... Или не мог? Не мог! Просто ушел, зачем ему ключ? Ни я, ни ключ... – Илоне стало так горько, что она заплакала.

– Ну-ну, – сказал майор Мельник, – какие ваши годы. Адрес вашего друга помните? И фамилию назовите.

– Он живет с братом... Жил. Где сейчас, не знаю. У него нет своей квартиры. Адрес брата – Музыкальная, восемь, квартира двадцать четыре. Фамилия Сушков. Владислав Сушков. Вы думаете, Владик знал этого... там? И это Владик его...

– Пока не знаю, – сказал майор Мельник. – Посмотрим.

– Владик не мог, он ветеринар!

– Понятно, – ответил майор Мельник. – У вас есть семья, Илона Вениаминовна? Кто еще тут живет?

– Бабушка Аня умерла шесть лет назад, больше никого не было. Никто не живет.

– А ваши родители?

Илона пожала плечами:

– Мама отдала меня бабушке, когда мне было четыре года, обещала приехать и забрать, но с тех пор я ее не видела. Никогда. Бабушка была учительницей музыки, учила меня... То есть пыталась учить... Но у меня нет слуха. Вообще ни капельки. Бабушка говорила, я не в их породу, мне «медведь на ухо» наступил. Прабабушка Елена Успенская была известной художницей, а я... – Илона развела руками, – в музее.

Илона хотела рассказать майору о том, как всегда любила историю и хотела стать археологом, и про то, как в школе ее хвалили учителя истории, но усилием воли желание вывернуться наизнанку подавила – никому это неинтересно, тем более майору, который «сидит» на убийствах.

– В музее тоже кому-то надо, – сказал майор Мельник. – Мы скоро заканчиваем, сможете отдохнуть.

– Хотите вина?

– Спасибо, я вино не пью, – сказал майор Мельник.

– Есть водка... Хотите?

Тут майора Мельника позвали, и он ушел. Илона снова налила себе вина и залпом выпила...

Наконец они ушли, забрав с собой тело неизвестного человека и осколки мраморного льва. Майор Мельник проследил, чтобы Илона заперла дверь – в смысле, стоял на крыльце и ждал, а потом подергал ручку, убедился, что дверь заперта, и убыл. Еще сказал, чтобы звонила, не стеснялась. Если успею, подумала Илона, которая была измучена физически и морально, а потому воспринимала действительность скептически. В смысле Илоне было уже все равно. Мир после красного вина виделся размыто, чуть покачивался и норовил завалиться набок. Майор Мельник предложил отвезти ее к какой-нибудь подруге, но Илона отказалась. Она чувствовала себя выпотрошенной заживо и хотела только одного – упасть в родную постель и умереть до утра. Или навсегда.

Наконец джип майора, знакомо взревев двигателем, мазнул светом фар по спящему тупичку и рванул прочь. Тут же заверещал мобильный – звонила соседка Мария Августовна, которой не терпелось узнать все подробности случившегося. Но Илона сунула телефон в карман пальто, висевшего на вешалке в прихожей, и, держась за стены, побрела в ванную комнату. Присела на край ванны, раздумывая, не принять ли душ. Но сил не было совершенно. Илона замерла, уставившись в пространство. Тем более холодная вода. Все лето холодная вода! Б-р-р-р! Как-то все сразу случилось: бегство Владика, нелепое происшествие в музее, неизвестный человек в гостинной... Убитый! Господи, он-то каким боком? Почему кому-то нужно было убивать незнакомого человека в ее доме? Илона вдруг ахнула: получается, он, убитый, пришел не один, а с убийцей! Почему именно к ней? Вдруг ее осенило: друзья Владика! Он когда-то жил в другом городе, но ничего о себе не рассказывал... Так, только что ветеринар и работу ищет, но ничего существенного. А вдруг он сбежал, и его ищут, приехали свести счеты, преступная группировка или карточный долг, и он, защищаясь, схватил первое, что подвернулось под руку... Владик? Преступник? Илона увидела Владика, лежащего на диване перед телевизором. Вспомнила оторванный карниз, текущий кран, провалившуюся ступеньку... Обещал исправить, но лежал на диване перед «ящиком» и смотрел все подряд. И не выходил из дома, не хотел ни в кино, ни в ресторан, ни гулять в парк. Прятался? И получается, сбежал Владик не от нее, Илоны, а от них, врагов из прошлого. Пораженная этой мыслью, Илона рассматривала невидящим взглядом тесное пространство ванной комнаты, соображая, хороши эти вновь открывшиеся обстоятельства или плохи. С одной стороны, хорошо, потому что Владик не ее бросил, а вынужденно скрылся от поделщиков. Но с другой, плохо, потому что в ее доме убит неизвестный, и убийца прекрасно знает сюда дорогу. А значит, может заглянуть снова. Мало ли что ему в голову взбредет! А она одна в доме, и он ее тоже убьет! Запросто. Она вдруг представила, как лежит на полу около серванта, а вокруг осколки старинной китайской вазы... Илона

ахнула и покачнулась, ухватила за прозрачную занавеску и, оборвав ее, с визгом свалилась в ванну. К счастью, в пустую, но все равно ледяную и очень твердую. Причем в миг падения у Илоны неожиданно мелькнула мысль, что льва не жалко, черт с ним, он ей никогда не нравился, а вот вазу будет жалко... С трудом выбравшись из ванны, Илона потеряла ушибленный локоть и побрела в спальню. Насчет Владика и его преследователей мысль вполне идиотская. Он же сбежал ночью или рано утром, днем его здесь уже не было.

Илона стянула покрывало, улеглась в кровать и закрыла глаза. Оставила гореть ночник. Стала погружаться в зыбкий тягучий сон. Тот, который еще полусон-полуявь, и можно поворачивать сюжет во все стороны и руководить событиями. Вроде как писатель пишет книгу. И в этом полусне Илона услышала голос Владика, но слов не разобрала. Ее голова лежала на его плече, и они разговаривали.

– О чем ты думаешь? – спрашивала Илона.

– Ни о чем, – отвечал воображаемый Владик так же, как отвечал настоящий. – Давно сплю.

– Человек всегда о чем-нибудь думает, – настаивала Илона. – Планирует, думает о завтрашнем дне, о будущем...

– Ничего я не планирую, – отвечал Владик недовольно. – А чего планировать-то? Планируй не планируй, жизнь все равно внесет коррективы.

– Тебе хорошо со мной?

– Хорошо.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– Сильно-пресильно?

– Ага.

– Ты никогда не говоришь мне, что любишь, – упрекает Илона. – Нам, женщинам, нужно знать, что нас любят. Нас нужно носить на руках, дарить цветы, мужчина должен... должен... должен...

Владик не отвечает и начинает похрапывать. Разочарованная Илона замолкает...

...Она открывает глаза и видит бабушку Аню. Маленькую, сухонькую, как засушенная веточка жасмина. Бабушка сидит в кресле в углу и смотрит на Илону. С сожалением и жалостью.

– Бабушка, я не понимаю, почему он ушел, – говорит Илона. – Все было так хорошо!

– Женщинам нашей семьи не везет с мужчинами, – говорит бабушка, – планида такая. Возьми мою маму, твою прабабушку, Елену Успенскую. Умница, художница, красавица! И ведь крутились вокруг нее, сватались, я же прекрасно помню – интересные мужчины, с положением, а потом вдруг вакуум. Приговор судьбы. – Бабушка сокрушенно качает головой и продолжает: – А взять меня! Была замужем всего-навсего полтора года, а потом он сбежал, Петр Романенко, дипломированный инженер, между прочим. И главное, никаких предпосылок к бегству, все было замечательно, взаимопонимание полное, руки целовал, цветы дарил и вдруг сбежал! Как говорят, выскочил на минутку за сигаретами и исчез навсегда. Спустя месяц прислал письмо: спасибо, мол, за все, ты замечательный человек, но мне нужно обдумать и переосмыслить себя и свою жизнь, а то годы идут, прости-прощай, я в свободное плавание. Но я ему все равно благодарна за Ниночку, твою маму. Какой это был замечательный ребенок! Хорошенькая, как кукла. Танцевала, играла на фортепиано, нрав веселый, а ласковая какая – не передать! Ее все любили. Даже слишком. В восемнадцать удрала из дома с каким-то иностранцем.

– С иностранцем? – спрашивает во сне Илона, подыгрывая бабушке – семейную историю она знает наизусть.

– С иностранцем. Не то румыном, не то цыганом из Молдавии. Звали Данилой. Пел в ресторане. Весь такой экзотичный, с длинными волосами, с серьгой, пальцы в кольцах, и пахло от него сладким парфюмом. Нина приводила знакомить. С усами! Красив, ничего не скажешь! Только какой-то уж очень декоративный, как из оперетты. Пел под гитару, голос приятный, сочный, но со слухом проблемы, не всегда попадал в ноты. И по-моему, пьющий – выпил целую бутылку коньяку, один. Я Нине потом так и сказала: моветон, не нашего поля ягода, вечный скиталец по ресторанам, и слуха нет. Нина раскричалась, мол, я ничего в жизни не понимаю, не сумела устроить свою личную жизнь, так и нечего командовать и зудеть. А наутро ее уже не было. Собрала вещи и исчезла. Я пыталась ее искать, да где там! Ходила в ресторан, там уже другой певец, а где Данила, они не знают. И ни письма, ни строчки, ни звонка. Ничего! За почти восемь лет. А потом вдруг явление! Нина с ребенком, в смысле с тобой! Говорит, мамочка, у меня все хорошо, танцую в ансамбле, оставляю Илоночку на пару месяцев, мы сейчас в процессе переезда, она спокойная, никаких хлопот. И ты стоишь рядом, маленькая, в красном пальтишке, в руках кукла. И смотришь на меня, а глаза как вишни, я сразу и вспомнила того цыгана. Ты хоть замужем, спрашиваю. А она говорит: конечно! За тем самым, спрашиваю, за Данилой? А она лоб наморщила, говорит, за каким Данилой? Я только рукой махнула. Переночевала и фьют! В смысле осталась погостить на пару дней. А потом опять исчезла, на сей раз навсегда. А мы с тобой остались. Слава богу, ты не в него пошла, не перевесила его горячая южная кровь нашу северную. Права была Нина, ты оказалась спокойным и приятным ребенком, все книжки читала. Слуха, правда, не оказалось, а жаль, я мечтала для тебя о карьере пианистки, но, увы, не сложилось. Ты выбрала историю. Твоя прабабушка Елена тоже интересовалась историей, наверное, от нее это увлечение. Во всяком случае, не от Нины и не от Данилы...

– А почему я Вениаминовна? – спрашивает Илона и тоже знает ответ.

– Загадка, – разводит руками бабушка, а в бледно-голубых глазах недоумение. – Понятия не имею, так записано в метрике. Илона Вениаминовна. Может, Данила на самом деле был Вениамином, а Данила – его сценическое имя. Спыхватилась, а спросить не у кого. Нины и след простыл, фамилии Данилы этого не знаю, а у тебя наша – Романенко. А вот Илона имя не наше... лучше бы Елена, как моя мама, но тут уж ничего не поделаешь. Хотя Илона – та же Елена, только по-венгерски. Может, Данила был венгром, – добавляет бабушка задумчиво, но на ее лице ее написано сомнение. Простое объяснение – Данила не был отцом внучки, не приходило ей в голову. Бабушка, с ее понятиями о приличиях, была уверена в том, что у женщины должен быть на всю жизнь один мужчина, и если женщина с этим мужчиной сбежала, то и ребенок может быть только от него. Кто шляпку спер, тот и тетку пришил. Классика. Просто, как дважды два. Возможно, был, возможно, не был, возможно, Данила – творческий псевдоним, а на самом деле все-таки Вениамин, возможно, был и некий Вениамин. Все возможно.

Кстати, об именах. Рассматривая бабушкины документы, уже потом, когда ее не стало, Илона обнаружила, что бабушку звали Аннунсия! Не Анна, а Аннунсия! Представляете? Илона даже понятия не имела. Странное имя... итальянское? Какое-то средневековое, будто из рыцарских баллад. Бабушка и была как героиня рыцарской баллады – тонкая, прямая, нежная, даже в старости. Илона, к сожалению, не такая...

Бабушка Аня увлекалась пасьянсами, гороскопами и кроссвордами. Причем гороскопы составляла сама и подходила к этому делу очень серьезно – учитывала не только дату и время появления заказчика на свет, но и зодиакальные знаки родителей, и даже цвет глаз клиента. Как-то это было связано с положением небесных светил. Ее гороскопы были научными трудами по несколько страниц и считались удивительно точными. А также содержали рекомендации насчет имени будущих детей. Потому что имя имеет громадное влияние на судьбу – *номен*

ист омен, как говорили древние римляне⁴. Бабушка никому не отказывала, денег за работу не брала, но подарки принимала не чинясь. На зарплату учительницы музыки не очень-то разживешься, даже имея частных учеников.

– Ты сплошное недоразумение, моя девочка, – говорила бабушка. – Во-первых, имя. Почему Илона? Не наше имя, чужое. Во-вторых, характер. Илона – лидер: целеустремленная, серьезная, самоуверенная, рациональная. А ты, как будто специально, «девочка-все-наоборот». Привязчивая, плаксивая, легко попадаешь под чужое влияние, да что там, просто бесхребетная. Моя мама – твоя прабабушка, была сильной женщиной, шла через превратности судьбы, как через баррикады. Нина, твоя мама, тоже крепка была достаточно, да и Данила не производил впечатления человека хлипкого и нежного. Хитрого – да, себе на уме – да, оболстителя – да, но никак не хлюпика. А ты... Удивительно! До такой степени ничего от них не взять! Марсианка, не иначе! Или подкидыш!

Гороскопы бабушка составляла сроком на десять лет – каждые десять лет менялся цикл судьбы, и похожи они были на предсказания. В последнем, расчисленном перед смертью, бабушка предсказала, что Илоне особые успехи не светят, звезд с неба она хватать не будет, но случится в ее жизни роковой мужчина, который все перевернет, и начнется совершенно новый цикл. То ли со знаком плюс, то ли минус. Одним словом, потрясение. И полезут из шкафов скелеты, и пуповина между Илоной и прошлым натянется, но не порвется. И именно на ней, на Илоне, закончится эпоха вселенского одиночества. Красиво – что бы это ни значило. Вселенское одиночество... Одиночество женщин их рода? Мужчин нет, зато есть дети. Одни девочки, между прочим. Случайность?

Прабабушка-художница Елена Успенская родила Аннунсию, бабушка-музыкантша Аннунсия родила Нину... Кстати, почему всего-навсего Нина? А не Ниневия? Или Николетта? Где красота и пышность? Красавица-танцовщица Нина родила Илону. Историк Илона не родила пока никого. Живопись, музыка, танцы, история. То есть жизнь Илоны проходила под покровительством дочерей Зевса и подруг Аполлона – муз Евтерпы, Терпсихоры и Клио, чьи храмы назывались мусейонами, что в переводе на современный русский язык означает музей. Музей! Что и требовалось доказать. Цикл завершился.

Художница Елена Успенская... Звучит! Своей музы не имела. Наверное, в древние времена живопись не считалась искусством, а лишь ремеслом. Художники расписывали вазы и выкладывали мозаикой картины на стенах и полах дворцов.

Приятные глазу пейзажи, цветы, наброски карандашом и углем, книжные иллюстрации... Автопортрет в гостиной над старинным пианино с бронзовыми канделябрами, нежная размытая акварель, поблекшая от времени. Прабабушка сидит в кресле с высокой спинкой, одна рука на подлокотнике, другая на коленях, голова вполоборота к зрителю, полуулыбка, взгляд поверх голов, осанка царственная. На груди массивный прямоугольный медальон желтого металла...

И в этот момент Илона просыпается. Открывает глаза, вскакивает с кровати и бежит из спальни, останавливаясь перед закрытой дверью в гостиную. Медлит, не решаясь войти, потом нажимает на ручку, пинает дверь ногой и, не входя, начинает шарить по стене в поисках выключателя. Жмурится от резкого света и застывает на пороге: стена над пианино, где висел автопортрет прабабушки Елены, пуста. Стараясь не смотреть в сторону серванта, Илона на цыпочках идет к пианино – странное чувство, ей кажется, что картина никуда не делась, у нее обман зрения и картина сейчас проявится. Но картины нет. Зато есть массивная черная с золотом резная рама, прислоненная к стене, не видимая за инструментом. Пустая. Картина исчезла. Илона все еще не верит глазам и трогает ладонью стену, то место, где обои темнее, потому что там еще утром висел автопортрет. Она закрывает глаза, трясет головой, потом открывает

⁴ Nomen est omen (лат.) – Имя – судьба.

глаза в надежде, что картина появится, но, увы, она исчезла. Илона опускается на пол, чувствуя дурноту. Кружится голова, сердце колотится в горле, в затылке сквознячок. Илона мгновенно протрезвела, и теперь ей страшно. Она обхватывает руками колени и не может отвести взгляда от пустой рамы. Пустая рама так же нелепа и страшна, как неизвестный мертвый человек, лежавший на полу у серванта. Ее вдруг обдает жаром, она оглядывается – ей кажется, мертвый незнакомец все еще там. Но около серванта никого нет, там пусто. Пусто и на тумбочке, где еще недавно стоял лев с шаром. Илона уже не понимает, почему не сбежала из дома, почему осталась. Майор Мельник предлагал отвезти ее к подруге. К Доротее или к Моне, а она отказалась. Дура! Трижды дура! А если *он* вернется?

Вдруг Илону обжигает страшная мысль: а если ее роковой мужчина – тот, кто лежал у серванта? Исполнилось бабушкино предсказание, и свершилась судьба? И теперь полезут страшные семейные скелеты?

– Господи! Ну какие, скажите на милость, скелеты? – попыталась одернуть себя Илона. – У кого? У нее, Илоны? У бабушки Ани с жизнью, прозрачной, как крылышко стрекозы? Или у прабабушки Елены, которой Илона никогда не видела? И кому они могут быть интересны, эти секреты?

Но попытка самоуспокоения не удалась, стало еще страшнее. Теперь не только реальный факт убийства, а еще и мистика... Скелеты! Илона выскочила из гостиной, бросилась в спальню, нырнула под одеяло с головой и затаилась. Под одеялом было жарко и дышалось с трудом. Она подумала, что не услышит, если кто-то влезет в дом, и сбросила одеяло. Прислушалась. Все было тихо. Дом затих и замер. Царапала окно ветка яблони, шуршало в стенах, но не угрожающе, а тихо и умиротворенно. Чуть поскрипывало наверху, на чердаке, как будто кто-то ходил там почти неслышными шагами. Там всегда кто-то ходит. Бабушка Аня говорила, что там ходит фея, хранительница очага. И пока она ходит, все будет хорошо. До тех пор, пока не появится роковой мужчина. Со знаком плюс или минус. Звезды знака не открыли: выпутывайся, мол, как знаешь, наше дело сторона – мы предупредили, а дальше – сама.

Вдруг Илону осеняет: майор Мельник! Роковой мужчина из бабушкиного гороскопа – это майор Мельник! И обручального кольца у него не было. А что, очень даже может быть. Илона принялась вспоминать, о чем майор спрашивал и как смотрел на нее... Получалось, смотрел с интересом. И вопросы про Владика, да почему одна... такая девушка... И кольца нет...

Мысли замедлили бег, стали прозрачными, рвались и не додумывались до конца. Измученная Илона наконец уснула...

Глава 6

Монах и Добродеев собираются в гости

Профессор Игорь Владиславович Лещинский сидел за письменным столом и уже в который раз перечитывал распечатку с сайта экстрасенса, путешественника и по совместительству приятеля журналиста Добродеева, а также рассматривал фотографию этого, судя по всему, необычного человека. Картинка была неясной, излишне темной, и экстрасенс выглядел на ней крупным мужчиной, прямо человеком-горой, что несколько озадачило профессора, который как-то иначе представлял себе этого человека... как его? Монахова Олега Христофоровича! Профессору Лещинскому экстрасенс виделся тощим и субтильным, с пронзительным взглядом... как принято у экстрасенсов и путешественников, а тут все наоборот, когнитивный диссонанс налицо, так сказать. Шарлатанством пахнет. В эзотерическом цеху толстых просто не бывает, у них другие интересы, исключительно высокодуховные. И шевельнулось у Игоря Владиславовича нехорошее предчувствие насчет гостя, а рука сама было потянулась к телефону, чтобы отменить встречу, и только усилием воли сдержал профессор порыв – будучи человеком деликатным, подумал, что может получиться неудобно. Решил, ладно, пусть приходят, послушают про грабителей, напьются чаю, а потом – «Вот вам бог, а вот порог, господа хорошие». Всего доброго.

Лещинский снова повертел в руках листок с текстом, который знал почти наизусть. *«Бюро случайных находок»*. Надо же! Как будто бывают неслучайные находки! И принялся читать снова, прислушиваясь к своим чувствам и пробуя слова на вкус, пытаясь распознать вранье и попытку одурачить клиента. Именно одурачить, причем за деньги и в свою пользу. В альтруизм и бесребреничество приятеля одиозного журналиста, самым бессовестным образом перервавшего в своих статьях его слова, профессор не верил и уже жалел, что, поддавшись тоске и одиночеству, согласился на ненужную ему встречу. Однако он не мог не признать: в тексте не было ничего... э-э-э... сомнительного, так сказать. Во всяком случае, нос Игоря Владиславовича ничего такого не учуял. Он поднес листок к глазам и стал читать снова, комментируя мысленно, а также вслух.

«Здравствуйте, друзья!»

– Неплохо, очень неплохо, демократично, я бы сказал, – пробормотал профессор.

«Меня зовут Олег Монахов. Я психолог, математик, мыслитель и путешественник. За свою долгую и пеструю жизнь я встречался с разными людьми, попадал в критические ситуации, иногда прощался с жизнью – было и такое...»

– Тут некоторый перегиб, – покачал головой Игорь Владиславович. – И математик, и мыслитель, и психолог, и попадает в критические ситуации все время... Эва, куда хватил! Леночка, бывало, про таких говорила: «На все руки от скуки». Так и скачет по жизни, места не согреет, потому и ситуации. Путешественник!

«И сейчас я с уверенностью говорю вам: я могу помочь! У меня есть ответы на многие вопросы – приходите и спрашивайте. Попробуем разобраться в ваших проблемах вместе».

– Здесь неплохо, – признал профессор, – оптимистично, никаких дешевых привязок на любовь и бизнес. Ясно и понятно. Приходите и спрашивайте. Вполне деловой подход. Ладно, допустим.

«Запомните, нет безвыходных ситуаций. Вернее, есть, но их мало».

Профессор пожевал губами и вздохнул:

– Если бы!

«Иногда кажется, что все! Туник, конец, безнадега! Вы растеряны, вам страшно и хочется убежать... Но проблемы придется решать, от них никуда не денешься. Давайте сделаем это вместе».

Профессор вспомнил свою безвыходную ситуацию, вспомнил, как лишился компьютера, архива, адресов и исторических записок, вздохнул и согласился, что решать надо, и действительно, никуда не денешься. Вот с Леночкой... тут уж решать нечего. Эх, Леночка!

«Запомните... – призывал в самом конце экстрасенс и путешественник. – Нет, зарубите себе на носу: жизнь всегда продолжается!»

– Жизнь всегда продолжается! – повторил вслух Игорь Владиславович и задумался.

В легких вечерних сумерках мерцали неяркие золотые корешки фолиантов в книжном шкафу да слабо шевелилась гардина на окне. С улицы долетал невнятный шум шагов, голосов и автомобильных моторов, что еще больше подчеркивало тишину, царившую в квартире профессора. Пустоту и одиночество. Но как бы там ни было, прав экстрасенс, и жизнь все-таки продолжается. Историческая наука как нельзя более наглядно это доказывает, а кроме того...

Тут мысли Игоря Владиславовича прервал пронзительный дверной звонок, напоминавший мяуканье драной уличной кошки, безмерно раздражавший профессора. Профессор вздрогнул и прислушался – может, ошиблись дверью? Но звонок повторился, и тогда Игорь Владиславович, полный сомнений и опасений, поднялся и отправился встречать гостей.

* * *

– Никуда я не пойду, – сказал Олег Монахов журналисту Алексею Добродееву двумя часами ранее, когда последний сообщил, что сегодня их ждут в гости. – У меня болит нога.

Монах лежал на диване в центре комнаты, подложив под больную ногу пару подушек, смотрел в потолок и не обнаруживал ни малейшего желания разговаривать – отвечал нехотя, сквозь зубы.

– Я пообещал, что мы придем, – твердо сказал Добродеев. – Профессор Игорь Владиславович Лещинский – достойнейший человек, ученый с мировым именем...

– Это он подает на тебя в суд? – перебил Монах. – Ты же говорил, что старый склочник.

– Я?! Никогда ничего подобного я не говорил! – возмутился Добродеев.

– Как же не говорил, когда говорил. – Монах, изображая, как ему скучно, закрыл глаза. – Я же прекрасно помню. А еще сказал: сутяга и зануда. Он что, передумал судиться? Или ты пообещал больше не писать глупостей?

– Ничего я не... Просто сказал, что сожалею о недоразумении.

– А опровержение написал?

– Ну! Когда я неправ, я неправ, ты же знаешь. Вставай!

– Не встану.

– Хочешь помереть на диване?

– Хочу.

Добродеев присел на край дивана.

– Жалеешь, что пропустил сезон? Еще не вечер, подлечишь ногу, и вперед! Считай, что тебе повезло, Христофорыч, мог вообще без ноги остаться. И с девушками познакомился...⁵ Марина давно звонила?

– Утром. Хотела забежать...

– Вот видишь! А ты?

– Сказал, что занят. Мне не нужна благотворительность. Я набрал три кэга из-за этой чертовой ноги! И главное – все сюда! – Он похлопал себя по животу.

---

⁵ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Девушка с синей луны» и «Ошибка бога времени».

– Нога – это мелочь, главное...

– Моя жизнь не имеет смысла, – перебил Монах. – Отстань, Лео. *Твоя нога для меня* тоже мелочь.

– Моего друга, профессора Лещинского, ограбили, – внушительно сказал Добродеев. – Грабители напугали его сестру, и она умерла. Дело было ночью. Елену Владиславовну – очень милую старую даму – я прекрасно знал. А профессор был в отъезде. Умер хороший человек, случилась трагедия, а ты носишься с какой-то ногой!

– Грабители? – Монах открыл глаза. – Что украли? Деньги? Золото?

– Откуда у профессора золото? Унесли компьютер и статуэтку Будды и разбросали бумаги. Видимо, искали деньги.

– Будда ценный?

– Понятия не имею. Бронзовый, из Таиланда, триста лет. В остроконечной шапочке в бирюзовых бусинах. Я лично видел. Наверное, ценный.

– На хрен им бронзовый Будда? Точно бронзовый? Может, думали, что золотой?

– Может. Сдадут в ломбард.

– Сейчас этого добра навалом, тянут с блошиных рынков Европы и Азии, никто не возьмет.

– Значит, поняли, как лопухнулись. Может, выбросят, улика все-таки.

– Это все? А что полиция?

– Наверное, ищут. Но не убийство же, и кража пустяковая. Как ты понимаешь, очередной мелкий «висяк». Профессор очень переживает, без Елены Владиславовны он как без рук, к жизни совершенно не приспособлен, не знает даже, где покупают продукты. Старый холостяк, никого не осталось, всю жизнь одна наука, некому воды подать, если что. Смотри, Христофорыч... – Добродеев многозначительно покачал головой.

– И ты туда же? Анжелика все мозги проела, пристраивает подружек, хронических старых дев. И ты, Брут? Чего же он хочет?

– Кто?

– Профессор!

– Он очень на тебя надеется, Христофорыч...

– В каком смысле? Я же не собака-ищейка. Что ты ему наговорил?

– Наговорил... Ничего такого, ты же меня знаешь. Сказал, что ты мой друг, бывалый человек, дал адрес твоего сайта. Ты же сам писал, что готов помочь всем, попавшим в безвыходную ситуацию. Вставай! Кроме того, надо поддержать ученого морально, чисто по-человечески. Возьмем хорошего коньячку, копченого мяса, посидим... Между нами, он страшно растерян и вышиблен из седла. Мы же гуманисты, Христофорыч.

– Вышиблен из седла! – с восхищением повторил Монах. – Каков стиль! А мы, значит, попытаемся вшибить его обратно. Может, у него была коллекция картин или монет, ныне украденная?

– Ничего такого. Пара картин художников местного разлива, городские пейзажи. Грабители на них не польстились.

– Странные грабители! Лезть ночью в профессорскую квартиру, где нет ничего ценного... Это как-то непродуманно, я бы сказал. Вот когда мы с Жориком в свое время грабили один дом, мы предусмотрели все! Я влез внутрь, он ждал с машиной снаружи, причем двигатель работал. И мы знали точно, что брать, и где оно лежит⁶.

– Вы грабили дом? – Добродеев вытаращил глаза. – Серьезно? Или шутка такая?

– Серьезнее не бывает. Припекло нас с Жориком, ну мы и... – Монах прищелкнул языком. – Богатые люди, добра полно всякого... Да они бы даже не заметили пропажи.

---

⁶ Подробнее читайте об этом в романах Инны Бачинской «Девушка с синей луны» и «Ошибка бога времени».

- И что? Вас не поймали?
- Обижаешь, Лео. У меня тут все схвачено! – Монах постучал себя пальцем по лбу. – Операция прошла успешно. Почти.
- Почти?
- Почти. По независящим от нас обстоятельствам, так сказать. Ладно, сейчас не об этом. Как-нибудь поделюсь. Серьезные грабители действуют днем, как правило, по наводке и сначала «пасут» квартиру. А тут как слоны в посудной лавке...
- Ты хочешь сказать... Что ты хочешь сказать? Что действовали любители?
- Я хочу сказать, что это были случайные люди, возможно, начинающие грабители. Нам почему-то кажется, что грабить нужно под покровом ночи...
- Нам?
- Нам, простым обывателям, которые не в теме. Нам, Лео, нам! Вспомни, сколько раз мы с тобой для пользы дела проникали в чужие квартиры. Мы же могли действовать днем, не вызывая подозрений, не шарахаясь от собственной тени, а мы упорно лезли ночью. Почему? Не думал?
- Как-то не очень... думал, – озадачился Добродеев.
- Подумай, Лео. Подумай и скажи. Напряги извилины. Ну?
- Черт! Действительно. Чтобы не нарваться на соседей?
- Чтобы не нарваться на соседей, – повторил Монах. – Допустим. Но не это главное, Леша. Запомни: неопытному любителю комфортнее грабить ночью, так как ему кажется, что ночью он невидимка. И это есть вопиющее заблуждение. Помнишь пресловутого человека в livree? Слесаря или пожарника никто не замечает, пока он орудует днем, но если он начнет шляться с «кишкой» по подъездам ночью, то это сразу бросится в глаза и вызовет нешуточные подозрения.
- Ночью все спят, некому бросаться в глаза.
- Гипотетически, Леша. Кроме того, они, грабители эти, рискуют разбудить хозяев. Как я понимаю, именно это и произошло с сестрой профессора. Она услышала шум и пошла посмотреть.
- Мы можем только догадываться о том, что там произошло.
- В корне неверно. Версий может быть только две, Лео. Первая: она испугалась и скончалась от испуга. И вторая: ее убили. Все. Терциум non datur. Ее убили?
- Нет вроде.
- Вот видишь! Значит, на данный момент мы выяснили следующее: действовали не профи, так как брат у профессора нечего... по его словам, какие-то отмороженные псевдограбители влезли ночью в квартиру на удачу, авось что-нибудь да подвернется. Подвернулся комп, причем, я уверен, не последней модели, и бронзовый Будда, которого они, возможно, приняли за золотого. Гипотетически. Это все?
- Еще они разбросали бумаги!
- О! – Монах поднял палец. – А вот это уже штрих.
- Какой штрих?
- Попытаемся выяснить.
- Так ты идешь? – спросил после паузы Добродеев.
- Иду. Будучи гуманистом, я считаю своим долгом помочь ближнему.
- Я бы на твоём месте принял душ, – заметил Добродеев. – И причёсался. Чистая рубашка есть?
- Есть. Бороду оставляем или сбрить?
- Я бы на твоём месте сбрил. Бородища как у раскольника. И постричься не помешало бы...
- Ага, ещё что? С бородой я чувствую себя комфортно... – Монах огладил бороду.

– ...как грабитель ночью. Камуфляж такой?

– Сечешь, Лео. Именно. Кроме того, как всякий скромный человек, я не хочу бросаться в глаза.

Добродеев смерил Монаха с головы до ног и фыркнул иронически:

– Да уж! – Протянул руку: – Вставай!

Монах снял ногу с подушек и, уцепившись за руку Добродеева, тяжело поднялся, пробормотав по привычке:

– Чертова нога! Проклятый козел... Раздают права кому попало! – И потащился в ванную. Крикнул уже оттуда: – Может, не надо душ, а? Просто умоюсь и почищу зубы?

Глава 7

Явление

Никто не заявлял о пропаже человека, похожего на Илоного мертвого незнакомца. Соседи Илоны тоже никого не видели, но все сходились во мнении: ночной катаклизм и неизвестный человек каким-то образом связаны, и это еще не конец. Про «еще не конец» заявила соседка слева, Мария Августовна Миллер, дама девяноста трех лет от роду, которая прекрасно помнила прабабку Илоны Елену, а также дружила с ее бабушкой Аней. Прекрасно помнила Мария Августовна и то, как бабушка Аня сокрушалась по поводу Илоны: боялась, что та останется совсем одна, потому что не с ее счастьем и прытью найти приличного мужчину – Илона хорошая, но чего-то не хватает, где-то дает слабину, а мужики слабину сразу чувствуют, садятся на голову и не ценят. А потом и вовсе сбегают. Мария Августовна, самопровозглашенный «летописец» истории переулка, готова была говорить о соседях часами. Кто, с кем, когда, где... Она, как Страшный суд, знает все. Но как раз того, что было нужно, Мария Августовна не знала.

А еще через день в полицию обратилась некая гражданка Людмила Жакó с заявлением об исчезновении своего друга Николая Рудина. Ее тут же препроводили к майору Мельнику. При виде женщины майор на секунду потерял дар речи – такие райские птицы в их палестины еще не залетали. Во всяком случае, ничего такого он не припоминал. Он поднялся навстречу гостье, хотя обычно никогда ничего подобного не делал, и пригласил сесть.

Людмила Жакó была хороша той нежной и неяркой красотой, которую хочется оберегать и защищать. В ее облике была удивительная гармония – светлые прямые волосы, голубые глаза, приятной формы рот, а еще неуверенность в себе и удивительная мягкость. Она смотрела на майора Мельника, словно извиняясь за то, что отнимает у него время. Он тут занимается важными преступлениями, а она пришла и отвлекает. Одета посетительница была в платье из некрашеного льна с кружевной отделкой, отчего напоминала куклу.

– Я вас слушаю, – внушительно произнес майор Мельник.

– Меня зовут Людмила Жакó, – сказала женщина. Голос был под стать – мягкий и нежный. – Я хочу заявить о пропаже человека, моего друга Николая Рудина. Он позавчера не вернулся ночевать и на звонки не отвечает. Мы приехали несколько дней назад, город чужой... я очень беспокоюсь.

– Вы приехали к друзьям? – спросил майор Мельник.

– Да, только я их не знаю. Мы остановились в гостинице «Братислава». Коля сказал, что у него тут друг, который должен ему деньги. Вот мы и приехали. Знаете, деньги всегда нужны. Я думаю, не друзья, а всего один друг. Они когда-то торговали машинами, перегоняли из Германии. Но потом на них наехала налоговая... – Она понизила голос. – Знаете, как это бывает.

Гражданка Жакó смотрела на майора бесхитростными чистой голубизны глазами, и тот невольно кивнул, соглашаясь, и подумал, что для хорошенькой женщины интеллект не предмет первой необходимости.

– Людмила... извините, я не расслышал отчества.

– Васильевна. Людмила Васильевна. Можно просто Мила. Вы мне поможете?

– Постараюсь, Людмила Васильевна. У вас есть фотография вашего друга?

– Есть! В телефоне. – Она достала из сумочки айфон, «пролистала» и, найдя нужную фотографию, протянула майору.

Майор Мельник всмотрелся. Молодой человек, чье лицо было ему знакомо, и Людмила на скамейке в парке. Людмила улыбалась, молодой человек был серьезен и даже слегка насуплен. Майору пришло в голову, что они поссорились.

– Это мы попросили прохожего, – сказала Людмила. – Там есть еще.

Но остальные фотографии не потребовались, так как майор Мельник узнал в ее спутнике человека, убитого позавчера в доме Илоны Романенко. Личность его уже была установлена по отпечаткам пальцев, имевшимся в картотеке МВД по причине некоторых разногласий убиенного с законом. Тот еще тип был Николай Рудин!

Майор оторвался от фотографии и взглянул на женщину.

– Вы работаете, Людмила Васильевна?

– Мила. Работаю. Я фотомодель. Знаете, журнал «Арс мода»? Ненормированный рабочий день и все такое. Типа фрилансер. Мои фотки и на Фейсбуке есть! Меня и Коля фотографировал, говорил, я очень фотогеничная. Мы из Зареченска.

– У вас в Зареченске издается журнал «Арс...». Как вы сказали?

– «Арс мода». В Зареченске... Вот уж нет! – Она издала очаровательный смешок. – Это очень дорогой журнал, издается за границей, в Чехии, я выезжаю туда на фотосессии.

– Понятно. А ваш друг где-нибудь работал?

– В органах госбезопасности, у нас, в Зареченске. Но его сократили из-за кризиса. Нам нужны были деньги, и мы приехали сюда. Коля сказал, его друг в отъезде и надо немного подождать. А позавчера с утра ушел и не вернулся.

– В органах госбезопасности? – удивился майор Мельник. – А можно поконкретнее?

– Коля никогда ничего не рассказывал, вы же понимаете. Между нами, я думаю, он работал под прикрытием, знаете, как в сериалах. Сказал, сократили, а сам работал. А насчет денег и долга – это такая легенда. Очень опасное задание. Знаете, мне казалось, что Коля кого-то боялся. Он не хотел выходить из номера, не хотел гулять по городу, сбрасывал звонки. Ему все время кто-то звонил, а он сбрасывал. Я говорю, послушай, может, важный звонок, а он говорит: ошиблись номером. А сам даже не слушал. Я думаю, они напали на его след. Потому он ушел и не вернулся.

– Кто напал?

– Не знаю. Может, мафия. Или наркокурьеры.

Майор Мельник редко удивлялся, но сейчас он был удивлен так, что на миг лишился дара речи. Личность убитого, как уже упоминалось ранее, была установлена: Николай Федорович Рудин, житель Зареченска, тридцати двух лет от роду, без определенных занятий, в свое время получил два года условно – был замешан в деле по угону автомобилей. По информации, имевшейся в распоряжении следственных органов, мафией здесь и не пахло, Рудин был мошенником и мелким жуликом.

– Мы подозреваем, что Николай Рудин позавчера был убит, – медленно произнес он после паузы. – Я предлагаю проехать для опознания...

– Коля убит? – Мила в ужасе смотрела на майора. – Но... Откуда вы знаете, что это Коля? Может, это не он!

– Личность убитого установлена, Людмила Васильевна. Опознание – необходимая процедура. Поэтому предлагаю проехать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.